

RESEARCH

НЕКОТОРЫЕ РЕЛИКТЫ АКТИВНОГО СТРОЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ. ЧАСТЬ 2

Е.В.Зарецкий

Франкфурт-на-Майне, Германия

Summary: Some possible relics of the active(-stative) typology in the Indo-European languages, modern and ancient, are discussed. Indo-European languages are compared with the active Native American languages.

В активных языках существительные активного класса нередко имеют окончания и **во множественном числе**, существительные инактивного класса – только в единственном или вообще не имеют специальных окончаний. Г.А.Климов отмечает, что в активных языках морфологическая категория числа вообще развита слабо, причём распространяется либо только на всё одушевлённое, либо только на существительные, относящиеся к людям или даже только к родственникам [Климов 1977: 156-157]. Ниже мы продемонстрируем это на нескольких примерах.

В языке дакота, обладающем чертами активного строя, существительные с одушевлёнными денотатами (далее для краткости – «одушевлённые существительные») получают окончание множественного числа *-pi* (*šunka* ‘собака’ > *šunkapi* ‘собаки’), которое может присоединяться также (в качестве альтернативы) к прилагательным (*šunka ksapapi* ‘умные собаки’) или к глаголам (*šunka ečonpi* ‘собаки сделали это’); у неодушевлённых существительных часто окончания множественного числа нет вообще (*čan* ‘дерево / деревья’, *mága* ‘поле / поля’) [Riggs 1893: 42]. В родственном дакоте языке лакота существительные с одушевлёнными денотатами также получают во множественном числе окончание *-pi*, в то время как существительные с неодушевлёнными денотатами остаются во множественном числе без окончания [Buechel, Manhart 2002: XXII; ср. Mithun 1999: 508]. При отсутствии маркера *-pi* множественность передаётся прилагательными или наречиями: *Can óta el icage* ‘Много деревьев там растёт’. В языке ассинибойн той же семьи сиу маркер множественного числа *-pi* также присоединяется только к существительным с одушевлёнными денотатами: *košká* ‘мальчик’ > *koškápi* ‘мальчики’, *cicá* ‘ребёнок, сын’ > *cicápi* ‘дети, сыновья’, *šúka* ‘собака’ > *šúkapí* ‘собаки’, ср. *wapá* ‘шляпа, шляпы’, *napé* ‘рука, руки’ [Levin 1964: 16-17]. В активном языке чокто форм множественного числа нет вообще, но с помощью числительных, а также специальных слов *vleheha* ‘все’ и *okla* ‘совокупность’, употребляющихся обычно

только по отношению к людям, можно передавать множественное число одушевлённых существительных: *Ohooyo okla ilvppvt toksali alhi* ‘Эти женщины [в совокупности] работают тяжело’, *Nlla vlheha-yvt wahnota awashoha* ‘[Все] дети играют в саду’; для той же цели используются глаголы, подразумевающие множественное число: *Yvnnvsh-vt bok ilhkoli-tuk* ‘Буйволы шли к реке’, где глагол *ilhkoli* не может обозначать действие одного живого существа [Naag et al. 2001: 126, 31].

Особенно интересен в плане разграничения одушевлённого и неодушевлённого активный индейский язык кива [Mithun 1999: 81]. Существительные делятся в нём на следующие классы:

- Первый класс: преимущественно существительные с одушевлёнными денотатами: родственники, этнические группы, официальные лица, люди вообще, животные, птицы, насекомые: ‘человек’, ‘мужчина’, ‘женщина’, ‘ребёнок’, ‘мальчик’, ‘девочка’, ‘мэр’, ‘священник’, ‘солдат’, ‘медведь’, ‘лев’, ‘птица’, ‘муравей’.
- Второй и третий классы: семантических различий не наблюдается, оба относятся к неодушевлённым существительным и обозначениям частей тела.
 - Второй класс: ‘блюдо’, ‘стул’, ‘палатка’, ‘губы’, ‘сорняк’, ‘ветер’, ‘машина’, ‘коробка’, ‘ухо’, ‘нитка’, ‘ворота’, ‘радуга’, ‘рука’, ‘голова’, ‘облако’, ‘нос’, ‘лестница’, ‘мост’.
 - Третий класс: ‘рубахы’, ‘зуб’, ‘печь’, ‘сыр’, ‘камень’, ‘палец’, ‘луна’, ‘рука’, ‘наконечник (стрелы)’, ‘град’, ‘земля’, ‘звезда’.
- Четвёртый класс: собирательные и/или не поддающиеся подсчёту понятия: ‘глина’, ‘деньги’, ‘снег’, ‘соль’, ‘одежда’, ‘кровь’, ‘трава’, ‘кофе’, ‘вода’.

Со всеми классами употребляется один и тот же суффикс *-sh*, но если с существительными второго класса он обозначает единственное число, то с существительными первого класса – множественное:

Табл. 5. Употребление суффикса единственного, двойственного и множественного числа <i>-sh</i> в языке кива				
	I класс	II класс	III класс	IV класс
ед. ч.	–	-sh	–	–
дв. ч.	-sh	-sh	-sh	–
мн. ч.	-sh	–	–	–

Таким образом, если у существительных с одушевлёнными денотатами окончание множественного числа присутствует, то у существительных с неодушевлёнными денотатами (второй и третий классы) его нет. У собирательных существительных (4-й класс) множественного числа нет, т.к. их семантика предполагает множественность (напр. ‘народ’ = множество отдельных представителей этого народа).

В активном языке коасати мускогейской семьи множественное число обычно не маркируется в структуре существительных вообще, но существительные с одушевлёнными денотатами могут получать суффикс *-ha*:

athómma 'индеец' > *athómma-ha* 'индейцы', *falančí* 'кажун' > *falančí-há* 'кажуны', *ná:ni* 'мужчина' > *ná:ni-ha* 'мужчины', *tauu'i* 'женщина' > *tauu'i-há* 'женщины', *á:ti* 'человек' > *á:ti-ha* 'люди', *ilanawihli* 'охотник' > *ilanawihli-ha* 'охотники' [Mithun 1999: 83; Kimball, Abbey 1991: 403-404]. Маркер числа, однако, получают глагольные формы, благодаря чему двусмысленности не возникает.

В языках помоанской семьи существительные обычно не меняются во множественном числе, но есть исключения, относящиеся к терминам родства, именам и обозначениям людей (типа 'старуха') [Mithun 1999: 217]. В активном языке читимача множественное число также встречается почти без исключений только у некоторых существительных с одушевлёнными денотатами [Mithun 1999: 388]. В языке хайда множественное число не маркируется у существительных с неодушевлёнными денотатами, а существительные с одушевлёнными денотатами могут получать окончание множественного числа *-lan* (*Itaxwu-lan* 'друзья') или собирательное окончание *-cid* [Mithun 1999: 415]. В языке чокто множественное число существительных с одушевлёнными денотатами может маркироваться отдельным словом *oklah*, имеющим и самостоятельное значение 'люди' [Broadwell 2006: 41].

Для раннего индоевропейского праязыка формальные различия существительных с одушевлёнными и неодушевлёнными денотатами реконструируются и для единственного, и для множественного числа. В табл. 4 [Зарецкий 2009: 33-34] приведена относительно поздняя парадигма, уже в значительной мере отличающаяся от тех, которые обычно можно встретить в активных языках (хотя бы потому, что в ней различается значительно больше падежей, чем в подавляющем большинстве активных языков). В праязыке форм множественного числа относительно немного по сравнению с формами единственного [Meier-Brügger 2002: 268].¹ Для раннего индоевропейского Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов реконструируют окончания **-s/*-os* (ед. ч.) и **-es* (мн. ч.) для существительных активного класса в активном падеже и **-[o]m* (ед. ч.), **-[o]m-s* (мн. ч.) для существительных активного класса в структурно инактивном падеже (их термин для обозначения пациенса) [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 282]. Что касается су-

¹ «Реконструируемая древнейшая система индоевропейских именных парадигм с показателями **-os* и **-om* соответственно для активного и инактивного классов характеризуется явным отсутствием в первичной системе особых показателей множественности, возникающих позднее, уже во вполне оформившейся системе именного склонения с особыми формами родительного и винительного падежей: родительный падеж на **-om*, выражавший первоначально как единственное, так и множественное число, дифференцируется впоследствии на **-om* (ед. ч.) и **om-s* (в качестве показателя тех же отношений во множественном числе). Подобным образом падеж структурного инактива на **-om* осложняется таким же элементом **-s* для выражения множественности.

Множественность основной структурной формы именных образований активного класса на **-s/*-os* выражается простым аблаутным преобразованием окончания **-s/*-os* → **-es*, в чём, впрочем, и видна вторичность форманта множественности в подобных структурных образованиях» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 281].

ществительных инактивного класса, имевших в ед. ч. обычно маркеры *-om*, *-t'*, *-t^[h]*, *-k^[h]* и нулевой, то у них, очевидно, сначала вообще не было окончаний множественного числа. В ранних индоевропейских языках это отразилось в отсутствии форм множественного числа у существительных среднего рода, если не считать собирательных (согласующихся с глаголом в единственном числе) [Meier-Brügger 2002: 262; Schmidt-Brandt 1998: 213; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 282]. Так, в древнегреческом при существительных ср. р. мн. ч. встречаются глаголы в единственном числе, поскольку множественное число происходит от собирательного единственного, отсюда и совпадение форм ж. р. ед. ч. *-a* с первичной формой ср. р. мн. ч. [Lehmann 1993 a: 88, 151]. В праязыке собирательность маркировалась с помощью специальной флексии **-aH > *-ā*: и.-е. **t'er-ϰ-aH* (собират.) > слав. *drīva*, рус. *дрова* vs. и.-е. **t'erϰ-om* (ед.ч.) > гот. *triu* 'дерево', англ. *tree* 'дерево'; и.-е. **ak^{[h]o}-aH > лат. aqua* 'вода', др.-англ. *ēa, ēagor* 'вода, поток'. Из-за формального совпадения с окончанием выделившегося впоследствии женского рода формы определенной части таких собирательных существительных стали мыслиться как формы ед. ч. ж. р. В хеттском форме множественного числа явно производны от форм единственного [Lehmann 1993 a: 224], в санскрите окончания множественного и двойственного числа развились поздно [Lehmann 1993 a: 154].

В активных языках иногда можно также встретить и различные способы образования множественного числа прилагательных, зависящие в своём употреблении от одушевлённости-неодушевлённости денотата описываемого существительного. Например, в дакоте с неодушевлёнными прилагательными, а также прилагательными, относящимися к животным, предпочитается редупликация слогов: *wašte* 'хороший' > *waštešte* 'хорошие', *taŋkiŋyaŋ* 'большой' > *taŋkiŋkiŋyaŋ* 'большие' [Riggs 1893: 46; ср. Hale 1883: 18]. Для одушевлённых прилагательных характерно окончание *-pi*: *wašte* 'хороший' > *waštepi* 'хорошие'. В русском языке образование множественного числа от одушевлённости не зависит, если не считать согласования прилагательных с существительным в родительном или винительном падеже дополнения: *Я вижу хорошие дома/ хороших людей*. В именительном падеже таких разграничений нет (*хорошие дома/ хорошие люди*). Разграничения форм прилагательных в зависимости от степени одушевлённости в других индоевропейских языках нам также неизвестны.

Таким образом, индоевропейский праязык, как и прочие активные языки, формально различал существительные с одушевлёнными и неодушевлёнными денотатами во множественном числе. Однако, если в проверенных нами активных языках у существительных с неодушевлёнными денотатами окончаний во множественном числе обычно нет вообще, то в позднем индоевропейском они всё же присутствовали. На более ранней стадии у существительных с неодушевлёнными денотатами окончаний множественного числа, очевидно, не было. Использовались, однако, собирательные формы, типичные и для активных языков.

Для активных языков **разграничение маркеров и/или падежных окончаний одушевлённых и неодушевлённых существительных** является одной из наиболее типичных характеристик. Так, в языке юки паци-

ентивные субъекты и объекты действия получают суффикс *-q*, если они относятся к категории людей и персонифицированных животных. В остальных случаях маркеры падежа отсутствуют, т.е. агентивные субъекты (любые) и пациентивные субъекты или объекты (животные, неодушевлённые предметы, абстрактные понятия) не маркируются: *Sqéi hulk'óí náu-mil* (and Coyote watch-PAST) 'И Койот смотрел' (животное в данном случае персонифицировано, маркера пациентивности нет, т.к. субъект агентивен) vs. *Sqéi q̄q̄ hulk'ó-a hq̄lt-mil* (and again Coyote-PAT hear-PAST) 'И снова Койот услышал это' (маркер пациентивности присутствует, т.к. 'слышать', в отличие от 'слушать', не подразумевает активного действия, т.е. тот же субъект – Койот – пациентивен) [Mithun 2008: 302]. В центральном помо некоторые существительные со значением лиц также получают специальное окончание *-l* для выражения объектов действия и пациентивных субъектов [Mithun 2008: 307]. Прочие существительные окончаний не получают, то же касается агентивных субъектов: *K^he bá:ᵀiyiᵀya-l ʔa: h'él-an* (my father.in.law-PAT 1SG.AGT seek-IPFV) 'Я ищу своего свёкра' ('свёкр' здесь является объектом действия, поэтому к нему добавляется маркер *-l*); *Mí:kheᵀ má:ᵀa q'alá:w, míya: dáqa:de-l* (3.POSS woman die 3.KIN.POSS wife-PAT) 'Его женщина умерла, его жена' (пациентивный субъект 'жена' оформлен подобно объекту действия – пациентивным маркером *-l*).

В языке понка семьи сиу так называемые одушевлённые и неодушевлённые артикли представляют собой отдалённое аналитическое подобие русской синтетической категории одушевлённости [Mithun 1999: 116-117]:

- неодушевлённые артикли:
 - =*k^he* предмет расположен горизонтально
 - =*t^he* предмет расположен вертикально
 - =*ᵀq̄* круглый предмет
 - =*ge* предметы разбросаны
- одушевлённые артикли:
 - =*ak^ha* нечто живое стативно (субъект)
 - =*ama* нечто живое движется, живые существа стативны или двигаются (субъект)
 - =*ma* совокупность всех членов группы (субъект)
 - =*t^hq̄* нечто живое стоит (объект)
 - =*ᵀi* нечто живое движется (объект)
 - = *ᵀik^he* нечто живое стативно (объект)
 - =*ᵀak^ha* живые существа стативны (объект)

Примеры: *Wa ʔižigá=ama agᵀá=biama* 'Старуха [одна, одушевлённая, в движении] отправилась домой', 'Все лоси [мн. ч., одушевлённые] подняли головы', *Ap^há=ama bᵀú-ga rágaᵀᵀeᵀi-ᵀa=biama* 'Они дали еду [неодушевлённую, вертикальную] лосям [мн. ч., одушевлённым]', *Aphá=t^hq̄ waᵀá-t^heᵀe ei-ʔ* 'Он дал еду [неодушевлённую, вертикальную] лосю [одному, одушевлённому, стоящему]', *Iká=ᵀik^he kà-ci k^hiazi=ama* 'Долгое время кролик [один, одушевлённый, в движении] не возвращался домой к бабушке [одной, одушевлённой, в покое]'.

Ещё одним индейским языком, в котором различные артикли инструментализированы для выражения дихотомии одушевлённое-неодуше-

влённое, является ючи [Mithun 1999: 103]. Та же информация отображается в обширной системе местоимений и местоименных префиксов на глаголах. Всего в ючи насчитывается не менее десяти артиклей, семь из них можно причислить к вариантам одушевлённого, а три оставшихся – к вариантам неодушевлённого. Артикли ставятся после существительных и присоединяются к ним наподобие суффиксов. Употребление того или иного артикля зависит и от пола говорящего.

Табл. 6. Одушевлённые и неодушевлённые артикли, местоимения и местоименные префиксы глаголов в языке ючи

мест.	преф.	арт.	пол	значение
hɔdí	hɔ-	-nɔ	м.	ед. или мн. ч., представители народа ючи, кроме некоторых женских родственников
sɛdí	sɛ-	-sɛnɔ	м.	ед. ч., женские родственники ючи того же или последующих поколений
			ж.	любая женщина ючи того же или последующих поколений
sʔɛdí	sʔɛ-	-sʔɛnɔ	ж.	ед. ч., мужской родственник ючи того же или последующих поколений
ɔdí	ɛ-	-ɛnɔ	м., ж.	ед. ч., женский родственник ючи того же или предыдущих поколений
odí	o-	-ɔnɔ	ж.	ед. ч., мужчина ючи, не родственник; мн. ч., ючи того же поколения или моложе
–	i-	-inɔ	ж.	ед. ч., мужчина ючи старше говорящего или уважительное обращение к более молодым
wɛdí	wɛ-	-wɛnɔ	м., ж.	ед. и мн. ч., представители других народов и животные
		-fa	м., ж.	вертикальные неодушевлённые предметы
		-ʔɛ	м., ж.	горизонтальные неодушевлённые предметы
		-dji	м., ж.	круглые неодушевлённые предметы

Примеры: *tsowatné-sɛnɔ* ‘моя сестра’, *dotaone- sʔɛnɔ* ‘мой брат’, *tseítɛ-inɔ* ‘мой отец’, *gɔníɛ-wɛnɔ* ‘представитель другого народа’, *lála-wɛnɔ* ‘волк’, *yá-fa* ‘дерево’, *ya-ʔɛ* ‘бревно’, *tí-dji* ‘кресло’.

Искать в активных языках системы флексий, точно соответствующие реконструируемому для индоевропейского праязыка, не имеет смысла, поскольку, как отмечает М.Митун, активный строй обычно выражается не флексиями существительных (которых в активных языках обычно нет или почти нет), а местоимениями и глагольными аффиксами [Mithun 1999: 243]. Более того, в языках переходных типов существительные могут маркироваться согласно правилам номинативного строя, а глаголы и местоимения – по правилам активного строя. Индоевропейский праязык был позднеактивным, а затем, возможно, и смешанным номинативно-активным, отсюда разграничение одушевлённого и неодушевлённого в системе падежных окончаний. Как и в ючи, юки, центральном помо, понке, данная дихотомия маркировалась не только на субъектах, но и на объектах действия.

Описанное в первой части этой работы разграничение форм аккузатива у активных и инактивных существительных, характерное для активных языков, стало невозможным в тех индоевропейских языках, в которых падежная система распалась. В тех же, в которых она сохранилась, мы можем найти реликты активного строя и поныне. В русском и чешском существует, например, категория одушевлённости-неодушевлённости существительных, позволяющая формально отделять одушевлённые объекты действия от неодушевлённых. Например, у одушевлённых существительных совпадают формы ед.ч. род. и вин. падежей, у неодушевлённых существительных – формы им. и вин. падежей: *Я вижу волка* (род. = вин. падеж), но *Я вижу стол* (им. = вин. падеж). В обоих языках на женский род такое разграничение в ед.ч. не распространяется: *Я вижу мать, лошадь, мышь* (вин. п. = им. п. ≠ род. п.), *Я вижу жену, корову* (вин. п. ≠ род. п.). Во мн. ч. категория одушевлённости охватывает в русском все три рода, ср. *Я вижу братьев, отцов, коней, гусей, сестёр, рыб* (во всех случаях род. п.) vs. *Я вижу столы, дома, пни, стены, земли* (во всех случаях вин. п. = им. п.) [Хабургаев 1974: 185]. К категории одушевлённых причисляются названия предметов живой природы (*вижу студента, лося, журавля*), богов (*они молили Юпитера о помощи*), мифических существ (*они видели чёрта*), фигур в играх (*пожертвовать коня, взять туза*), игрушек (*она очень любила своих кукол, матрёшек, роботов*), механизмов, изображений человека; к категории неодушевлённых – наименования предметов неживой природы, растений, планет, названных именами богов (*глядя на Юпитер*), собирательные имена (*вижу отряд, лес, полк*). Названия микроорганизмов могут причисляться к обеим группам (*рассматривать инфузорию/инфузорий, убивать бактерии/бактерий*).

Категория одушевлённости сформировалась в русском на основе более древней категории лица, охватывавшей ещё в протославянском существительные мужского рода. Категория лица, в свою очередь, возникла как реакция на распад флексий винительного падежа, приведший к совпадению форм номинатива и аккузатива. Так, в протославянском слова ‘раб’ и ‘сын’ склонялись следующим образом: им. п. **ōrbōs*, **sūnūs*, вин. п. **ōrbōm*, **sūnīm*. Затем эти формы совпали: **ōrbōs* > **ōrbūs* > ст.-сл. *рѣбѣ*; **sūnūs* > ст.-сл. *сѣинѣ*; **ōrbōm* > **ōrbūm* > ст.-сл. *рѣбѣ*; **sūnīm* > ст.-сл. *сѣинѣ* [Ремнева 2004: 169-170]. Заметим, что указанные протославянские окончания именительного падежа *-s и винительного падежа *-m – это те самые окончания активного и пассивного (инактивного) падежей, которые некоторые учёные считают реликтами активного строя в индоевропейском языке.

Неразграничение субъектных и объектных форм стало затруднять понимание текста (ср. *братръ... приведе ѹловѣкъ нѣмѣтъ* ‘Брат привёл немого человека’ или ‘Брата привёл немой человек’ [Хабургаев 1974: 186]), из-за чего вместо винительного падежа стал использоваться родительный. Родительный падеж перенял эту функцию потому, что он употреблялся в древних славянских языках для маркировки объектов при отрицании, а также при глаголах чувств и переживаний, ср. ст.-сл.: *что же видиши сжущѣ въ оцѣ брата твоего · а брѣвѣна еже естъ въ оцѣ твоемъ не ѹжешѣ*

‘Что же ты видишь *сучок* в глазу брата своего, а *бревна*, которое в твоём глазу, не чувствуешь’, *ожидаѣштииниѣ прихода твоего* ‘ожидающим приходом твоего’, *прошѣ... главы иоана* ‘хочу головы Иоанна’, *постыдѣтъ сѣ с(ты)на моего* ‘постыдятся моего сына’ [Хабургаев 1974: 373-374, 385]; М.Вайан описывает многие другие подобные примеры [Вайан 1952: 210-212]. Категория лица распространялась только на существительные мужского рода, обозначавшие лиц общественно полноправных: *братръ* ‘брат’, *пророкъ* ‘пророк’, *богъ* ‘бог’, а также на мужские имена. Соответственно, слова типа *равѣ*, *сынѣ*, *дѣлѣжникѣ*, *оученикъ*, обозначавшие лиц с ограниченными правами, употреблялись и после становления категории лица в винительном падеже, совпадавшем с именительным, т.к. было ясно, что данные лица обычно являются только объектами действия. Названия животных также употреблялись в винительном падеже, совпадавшем с именительным. Принадлежность к категории лица выражалась отчасти и формой дательного падежа [Хабургаев 1974: 187-188; Вайан 1952: 206]. В старославянском дополнительным условием употребления родительного падежа была определённая ситуация, определённое лицо. Если речь шла о неопределённом лице, то употреблялся винительный (= именительный) падеж. Категория лица в церковнославянском описывается у А.Х.Востокова [Востоков 1980: 118-119].

Искать точного формального тождества флексий категории лица с индоевропейской парадигмой не имеет смысла, т.к. категория одушевлённости-неодушевлённости в позднем индоевропейском распалась и только затем была вновь восстановлена в некоторых языках, где сохранились флексии. В русском период её формирования приходится, в основном, на XV-XVII вв. В английском формального разграничения одушевлённости-неодушевлённости нет, т.к. отсутствуют потенциальные средства её выражения по причине практически полного распада системы флексий.

Категория одушевлённости-неодушевлённости присутствует и в других индоевропейских языках. Здесь приводятся примеры из бенгальского (в транслитерации):

Табл. 7. Склонение существительных в бенгальском				
	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Одушевл.	Неодушевл.	Одушевл.	Неодушевл.
Номинатив	chhatro-ṭa ‘студент’	juta-ṭa ‘туфель’	chhatro-ga ‘студенты’	juta-gula ‘туфли’
Объектный	chhatro-ṭa-ke	juta-ṭa	chhatro-der(ke)	juta-gula
Генитив	chhatro-ṭa-r	juta-ṭa-r	chhatro-der	juta-gula-r
Локатив	–	juta-ṭa-(t)e	–	juta-gula-te

Категория одушевлённости-неодушевлённости имеет место также в сингальском языке.

Таким образом, для активных языков характерно разграничение существительных одушевлённого/ активного и неодушевлённого/ пассивного классов на формальном уровне либо падежными флексиями существительных, либо артиклями (классификаторами). В индоевропейском пра-

языке также существовало подобное разграничение, нашедшее своё отражение в категории лица в древнерусском и, в видоизменённой форме, в современной русской категории одушевлённости-неодушевлённости.

Поскольку для активных языков использование неодушевлённых существей в качестве субъекта действия нетипично, в них применяются специальные средства, позволяющие обходить этот запрет в случае необходимости. Например, вода и огонь могут обладать свойствами агенса, потому для них использовались специальные **пары существительных: активные и пассивные**. После распада активного строя такие обозначения стали абсолютными синонимами, в результате чего в отдельных языках сохранялось только одно слово, а второе постепенно либо отмирало, либо меняло значение. Например, индоевропейское существительное **egnís* ‘огонь (активный / одушевлённый)’ противопоставлялось существительному **pāwr* ‘огонь (пассивный / неодушевлённый)’. Первое слово сохранилось в лат. *ignis*, санскр. *Agní*, лит. *ugnis*, латв. *uguns*, церковнослав. *ognĭ*, рус. *огонь*, поль. *ogień*, алб. *enjte*; хетт. *agniš* [Quiles 2007: 373; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 274]. Второе – в англ. *fire*, хетт. *pahhur*, нем. *Feuer*, хет. *pahhur*, тох. А *por*, тох. Б *puwar*, гот. *fōn*, арм. *hur*. Инактивная, неодушевлённая вода называлась **wódr/údr* (или, с назализацией, **wóndr/úndr*); активная, одушевлённая – **apos*. Первое слово сохранилось в гот. *watō*, древнесев. *vatn*, древнеангл. *wæter*, древневерхненем. *wazzar*, древнефриз. *wetir*, лат. *unda*, умбр. *utur*, санскр. *udan*, тохар. *wār/war*, фриг. *bedu*, древнепрусс. *wundan*, лит. *vanduo*, латв. *ūdens*, рус. *вода*, пол. *woda*, древнеирл. *uisce*, хетт. *watar*; второе – в санскр. *āpah* ‘воды’, авест. *āfš* ‘поток’, хет. *hap-* ‘поток’, латыш. *upe* [Quiles 2007: 324-325; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 274]. Существительные одушевлённого класса получали деривационные маркеры **-s//*-os*, существительные неодушевлённого класса – деривационные маркеры **-om*, **-t*, **-t^[h]*, **-k^[h]*, *-Ø*, ср. и.е. **p^[h]et'-s* ‘нога’ (активный класс) – **p^[h]et'-om* ‘след’ (инактивный класс), **iuk'-s* ‘связанный’ (акт.) – **iuk'-om* ‘ярмо’ (инакт.) [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 275-276]. Обычно в древнейших индоевропейских языках существительные, относившиеся ко всему инактивному и неодушевлённому, были среднего рода, а существительные, относившиеся ко всему активному и одушевлённому, – либо мужского, либо женского, либо общего (общего – в хеттском, где можно наблюдать противопоставление одушевлённого и неодушевлённого ещё до распада на три рода).

При необходимости использовать существительное с неодушевлённым денотатом в качестве субъекта активного действия при отсутствии активной пары к нему присоединялось специальное окончание. В хеттском это был суффикс *-ant*, «одушевлявший» существительное на формальном уровне, т.е. переводивший его в класс одушевлённых: *lingai-* ‘клятва’ > *linkiānt-* ‘бог клятвы’, *tuzzi* ‘военный лагерь’ > *tuzziānt-* ‘войска’ [Neu 1989: 1-2]. Э.Ной называет этот суффикс персонифицирующим. Примечательно, что от переходности-непереходности глагола употребление таких существительных в хеттском не зависело, как это и должно быть в языках активного (но не эргативного) строя, поскольку категория пере-

ходности в них ещё отсутствует [ср. Lehmann 1993 а: 213]. Суффикс использовался даже тогда, когда существительное с неодушевлённым денотатом относилось к *genus commune*, а не к *genus neutrum*, т.е. решающую роль играла не принадлежность к грамматическому роду, а принадлежность к никак не выраженному морфологически классу одушевлённого или неодушевлённого (аналогичную ситуацию можно наблюдать в русском, где категория одушевлённости применяется к существительным с одушевлёнными денотатами независимо от того, в каком они роде, ср. *Я вижу мальчика* (род. п. = вин. п.) vs. *Я вижу стол* (им. п. = вин. п.), где оба существительных принадлежат к мужскому роду). Напомним, что женского рода в хеттском не было, в других индоевропейских языках он также вторичен (возник, очевидно, отчасти под влиянием абстрактных и коллективных понятий) [Neu 1989: 14]. Ной отрицает возможность зарождения персонифицирующего суффикса в самом хеттском, т.е. автономно от индоевропейского праязыка [Neu 1989: 3, 12]. Появление данной характеристики в общеанатолийском представляется ему вполне доказанным, в общем индоевропейском – вероятным. Он обращает внимание не только на наличие суффикса *-ant* в древнейших хеттских текстах, но и на параллели в других архаичных индоевропейских языках. Так, в лувийском можно было сделать из существительного среднего рода *parn-* ‘дом’ «одушевлённый» вариант *parnant(i)-*, аналогично *tappaš-* > *tappašant(i)-* ‘небо’, *taruš-* > *tarušant(i)-* ‘статуя’ [Neu 1989: 10]. Постепенно «одушевляющий» суффикс становился ненужным, из-за чего существительные среднего (неодушевлённого) рода уже в среднехеттском начинают появляться без него. Хотя Ной не объясняет этого процесса, не может быть сомнений, что речь в данном случае идёт о следствии номинативизации, поскольку в номинативных языках семантическое наполнение субъекта не играет никакой роли, из-за чего и существительные с неодушевлёнными, пассивными денотатами могут использоваться в качестве субъектов при глаголах действия.

Неоднократно обращала на себя внимание такая особенность активных языков, как **неразвитость категории переходности**. Поскольку глаголы делятся в рамках данного строя не на переходные и непереходные, а на активные и стативные, один и тот же глагол может употребляться (или, вернее, переводиться на современные индоевропейские языки) в качестве переходного или непереходного без изменения формы: юки *Naṭpit-qm ʔap naqwh-ek* (window-LOC 1SG.AGT see-DECL) ‘Я смотрю через окно’ – *Haṅ ʔap naqwh-ek* (house 1SG.AGT see-DECL) ‘Я вижу дом’ (один и тот же глагол *naqwh* имеет значения ‘смотреть, видеть’), *Sahol’ ʔol-ap haʔah-ek* (eagle tree-on be-DECL) ‘Орёл [есть] на дереве’ – *Haʔah-ek* (carry-DECL) ‘Он несёт это в руках’ (один и тот же глагол *haʔah* имеет значения ‘быть, нести’) [Mithun 2008: 302-303]. Отсутствие разграничения переходных и непереходных глаголов реконструируют для прото-мускогейского [Mithun 2008: 327].

Первоначально переходные и непереходные глаголы не разграничивались и в индоевропейском праязыке. Как писала А.В.Десницкая ещё в 1951 году, «[и]сторический анализ синтаксиса отдельных индоевропейских языков показывает процесс постепенной грамматизации первоначальной

чально чисто лексического деления глаголов на две группы (переходные и непереходные). Деление это, лишь путём длительного абстрагирования от конкретных случаев словоупотребления в том или ином смысловом контексте, приобретало закономерный синтаксический характер, но до сих пор не получило, однако, специального морфологического оформления» [Десницкая 1951: 136]. Относительную неразвитость категории переходности в древних индоевропейских языках Десницкая демонстрирует на примере неразвитости категории залога, прозрачности границ между переходными и непереходными глаголами, наличия обстоятельственных значений у винительного падежа, за которым ещё не была закреплена однозначно роль оформителя прямого дополнения, неформленности винительного падежа (не было специального окончания, т.е. использовалась основа существительного, как в рус. *Я вижу стол*). Под «текучестью границ» между переходными и непереходными глаголами она подразумевает употребление одного и того же глагола в качестве переходного или непереходного без изменения его формы: древнегреч. *αποστρέφω* ‘отворачивать, обращать назад’ и ‘обращаться назад’, *ἀποφθίω* ‘губить’ и ‘погибать’, *διαχόπτω* ‘прорубать’ и ‘прорубаться’, *διαφέρω* ‘переносить’ и ‘различаться’, *ἐχβάλλω* ‘выбрасывать’ и ‘вытекать’, *ἀνίημι* ‘пускать, ослаблять’ и ‘ослабевать, переставать’, *ἐξίημι* ‘выпускать, высылать’ и ‘изливаться’, *στρέφω* ‘вращать’ и ‘поворачиваться’. Развитие переходности она связывает с процессом «грамматизации» индоевропейских языков, с превращением винительного падежа в универсальный падеж прямого дополнения.

У.Леман также обращает внимание на использование глаголов в древних индоевропейских языках в качестве переходных или непереходных без изменения формы и объясняет эту характеристику реликтами активного строя [Lehmann 1993 a: 217]. На примерах из латыни он демонстрирует, что первоначально некоторые глаголы можно было использовать переходно или непереходно, но в процессе номинативизации и транзитивизации к этим глаголам были добавлены превербы для разграничения переходных и непереходных значений: если старая основа оставалась непереходной, то глагол с превербом использовался в переходном значении, и наоборот, ср. *regō* ‘править, управлять’ (перех.) – *surgō* ‘подниматься, возникать’ (неперех.), *petō* ‘требовать’ (перех.) – *suppetō* ‘быть наготове, быть в достаточном количестве’ (неперех.), *plōro* ‘громко плакать, рыдать’ (неперех.) – *explōro* ‘исследовать, разузнавать’ (перех.). Таким же образом в активном языке дакота с помощью приставок от стативных глаголов образуются активные: *nažij* ‘стоять’ – *yunažij* ‘поднимать, заставляя стоять’; *čeya* ‘плакать’ – *načeya* ‘ударами заставляя плакать’; *wašte* ‘быть хорошим’ – *yuwašte* ‘улучшать’, *teča* ‘быть новым’ – *yuteča* ‘обновлять’ (автор называет это образование отадъективным, но ниже признаёт, что прилагательные ведут себя аналогично глаголам, т.е. имеют те же окончания) [Riggs 1893: 20].

Вместо прямого и косвенного дополнений в раннем индоевропейском языке использовались «ближайшее» и «дальнейшее», ещё слабо разграниченные, на что также обратила внимание А.В.Десницкая [Климов 1977: 119]. Та же дихотомия присутствует и в активных языках. В ранненоминативных языках аккузатив имеет очень широкий спектр значений, общим

знаменателем которых можно назвать направленность действия на объект (в индоевропейском языкознании этот спектр значений называется **аккузативом цели**, в картвелистике – датив-аккузатив) [Климов 1977: 201]. Г.А.Климов приводит следующие примеры: а) индоевропейские: лат. *Lego librum* ‘Читаю книгу’, *Eo Roma-m* ‘Иду в Рим’, др.-инд. *Nagara-m gachati* ‘Идёт в город’; б) картвельские: груз. *Swams ywino-s* ‘Пьёт вино’, *Gaudga gza-s* ‘Отправился в путь’, сванск. *Esyri šukw-s* ‘Идёт по дороге’, в) кечу-мара (активные языки): аймара *Mangánwa ayča-ru* ‘Он съел мясо’, *Saranwa monte-ru* ‘Он пошёл в лес’, кечуа *Riku-ni pampta-ta* ‘Я вижу поле’, *Ri-ni rampa-ta* ‘Я иду по полю’. Климов цитирует мнение М.М.Гухман, писавшей в 1952 году, что нечёткость дифференциации переходности и непереходности глагола в индоевропейском праязыке не вписывается в теорию эргативности [Климов 1977: 22-24]. Как полагает Климов, данная характеристика праязыка в совокупности со многими другими (недифференцированностью прямого и косвенного дополнения, наличием категории состояния, малочисленностью времён, развитостью способов действия, отсутствием пассива, связью современного винительного падежа с неопределённым = пациентивным падежом, делением существительных на классы одушевлённых и неодушевлённых) свидетельствует об активном строе либо раннего индоевропейского, либо его предка. О неразграничении переходных и непереходных глаголов движения на ранней стадии индоевропейского праязыка писал в 1936 году С.Д.Кацнельсон, тогда ещё в рамках теории эргативности [Климов 1977: 42].

О связанной с недифференцированностью степени транзитивности неразграниченности прямого и косвенного дополнений говорят Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов в следующей цитате:

«...для древнейших ступеней развития индоевропейской номинальной системы можно восстановить бинарную классификацию имён по активному-инактивному классам с последующим оформлением активного падежа формантами *-s/*-os и инактивного падежа – формантами *-m/-om, -Ø. При этом инактивный падеж выражает инактивную актанту как при одноместных глагольных формах, так и при двух-, а, возможно, и трёхместных глаголах с семантикой типа ‘давать’, ‘называть’ и др.» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 277].

Подразумевается, что названные форманты являлись на более ранней стадии не падежными окончаниями, а суффиксами активного (одушевлённого) и инактивного (неодушевлённого) субстантивных классов. Так, формант *-m использовался для образования существительных с неодушевлёнными и/или инактивными денотатами, но мог использоваться и для того, чтобы получить из существительного с одушевлённым и/или активным денотатом дополнение при активном глаголе. Этот же формант *-(o)m, наряду с нулевым, изначально использовался, по мнению Гамкрелидзе и Иванова, для передачи и адресата действия, и цели, и направленности действия, т.е. комбинировал в себе значения различных падежей, особенно accusativa, dativa и locativa [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 285]. Отсюда конструкции с двойным винительным падежом в архаичных индоевропейских языках: др.-инд. *Tam sarvasvam adaṇḍayat* ‘У него

(вин. п.) он берёт в наказание всё имущество’, *Satyam tam rājaputram upreyatuh* ‘Они пришли к принцу за правдой’. Демонстрируя первичное значение аккузатива как падежа направленности действия, авторы приводят следующие примеры: др.-инд. *Āpo divam ud vahanti* ‘Они ведут воды к небу’ (вин. п. *divam*), *Tāv ubhāv adhamām tamo nayati* ‘Он ведёт их обоих в глубочайшую тьму’, лат. *Eō Rōmam* ‘Иду в Рим’ (так же как и Г.А.Климов, Гамкрелидзе и Иванов проводят параллели с употреблением падежа на -s в грузинском языке). Первичное неразграничение аккузатива и датива проявляется также в хеттских прономинальных формах 1-го и 2-го лица: *amtuk* ‘меня, мне’ (вин.-дат. п.), *tuk* ‘тебя, тебе’ (вин.-дат. п.), а также в энклитических местоименных формах *-mi* ‘меня, мне’, *-ta* ‘тебя, тебе’, *-naš* ‘нас, нам’, *-šmaš* ‘вас, вам’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 286].

Формы дательного и местного падежей, по мнению Гамкрелидзе и Иванова, адвербиального происхождения. Изначально это были сирконстанты (второстепенные члены предложения, выражающие «фонового» участника ситуации, ср. *побеждать вопреки обстоятельствам, сниться по ночам, вчерашнее пятно* и т.д.) при глаголах, выражавшие обстоятельственное уточнение к глагольной синтагме с основными актантами. Дательный падеж на **-ei* они считают аблаутной формой обстоятельственного падежа при именах активного класса, местный падеж на **-i* – аблаутной формой обстоятельственного падежа при именах инактивного класса. Со временем эти формы вытеснили использовавшиеся ранее формы общего инактивного падежа на **-om* или с нулевым окончанием. Датив закрепился за именами, обозначающими лиц и персонифицированные объекты, благодаря чему возникли дативные аффективные конструкции [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 287-288].

Глаголы активных языков обычно подразделяются на стативные/ пассивные/ инактивные/ глаголы состояния и агентивные/ активные/ глаголы действия. Соответствующие примеры из позднеактивного бацбийского языка приводились в первой части настоящей работы. К первой группе (глаголы состояния) относятся глаголы со значениями ‘знать’, ‘помнить’, ‘понимать’, ‘бояться’, ‘доминировать’, ‘ненавидеть’, ‘быть мёртвым’, ‘осознавать’, ко второй – глаголы со значениями ‘учить’, ‘летать’, ‘кидать’, ‘искать’, ‘находить’, ‘убивать’, ‘ломать’. Глаголы состояния могут сочетать стативные и перфективные значения: мохавкск. *Rotiniá:kon* ‘Они женаты = Они поженились’ (*ro-* – местоименный префикс, *on-* – суффикс стативности) [Deering, Harries-Delisle 1976: 418].

Как и глаголы активных языков, глаголы индоевропейского праязыка принято делить на **глаголы состояния (stative)** и **действия (eventive)** [Sihler 1995: 445-590]. Эти две группы различались в индоевропейском по способам формирования основ, окончаниям и употреблению с ними грамматических категорий. Агентивные глаголы по своим формам и функциям делились на описывающие действия моментальные (‘найти’, ‘прибыть’) и длительные (‘искать’, ‘путешествовать’). От индоевропейских форм глаголов моментального способа действия произошёл аорист (поскольку глаголы моментального способа действия могут описывать события только уже прошедшие или ещё не наступившие, аорист постепенно закрепился

за прошедшим временем), от форм глаголов длительного действия – настоящее время (называемое также непрошедшим, поскольку оно может относиться и к будущему) и имперфект (время, описывающее имевшие место в прошлом действия без указания на то, завершились ли они). Отдельного будущего времени в протоязыке не было, соответствующие значения передавались настоящим временем. Глаголы действия могли иметь окончания актива и медиа (медиапассива). Медий использовался для передачи действий, которые субъект производил с собой, для себя, со своей собственностью, для передачи ощущений субъекта и т.д. Окончания медиа при глаголах действия являются производными от окончаний актива. Некоторые глаголы могли употребляться только в медиа, они называются депонентными/ отложительными/ *verba deponentia*. В латыни, например, можно найти следующие *verba deponentia*: *arbitrari* ‘думать, полагать’, *hortari* ‘побуждать, внушать’, *laetari* ‘радоваться’, *oblivisci* ‘забывать’, *uti* ‘использовать’, *niti* ‘опираться, основываться’, *mori* ‘умирать’, *fieri* ‘возникать, становиться’, *frui* ‘наслаждаться’.

Стативные глаголы со временем оформились в перфект, агентивные – в имперфект, аорист, настоящее «время» (термин «время» здесь используется за отсутствием лучшей альтернативы²). Поэтому, например, перфект использовался в древнерусском для передачи состояний: «Как аналитическое временное образование перфект обозначал состояние, наблюдающееся в момент речи и являющееся результатом совершённого в прошлом действия... Это значение отражено в формальном составе перфекта: спрягаемый глагол в форме причастия прошедшего времени (состояние как результат прошлого действия) + вспомогательный глагол в форме настоящего времени (отнесение состояния к моменту речи)» [Горшкова, Хабургаев 1981: 306; ср. Хабургаев 1974: 284; Вайан 1952: 381]. У статива окончаний было меньше, чем у актива, что типично для активных языков [Климов 1977: 131-132]. Индоевропейский перфект (как парадигма стативных глаголов) мог относиться и к настоящему времени, ср. лат. *Ōdi* ‘Я ненавижу’, *Memini* ‘Я помню’, *(G)nōvī* ‘Я понимаю’ (в другой интерпретации, первоначально формы индоевропейского перфекта относились преимущественно к настоящему времени, но постепенно были переосмыслены в качестве прошедшего, т.к. многие состояния являются результатами действия в прошлом [Барроу 1976: 278]). Взаимосвязь форм стативных глаголов и перфекта особенно очевидна при сравнении окончаний хетт-

² Г.А.Климов, отмечая, что для передачи временных значений в праязыке использовались способы действия, а не отдельная категория времени, цитирует следующие слова А.Мейе: «индоевропейские так называемые временные основы не обозначают собственно времени: греческие основы ‘настоящего времени’ обозначают развивающееся действие, основа аориста – действие само по себе, основа перфекта – завершённое действие, и в этом отношении греческий язык отражает в общем индоевропейское состояние... Значение индоевропейских ‘временных’ основ сходно, следовательно, со значением славянских ‘видов’, а не германских или латинских ‘времён» [Климов 1977: 213]. Становление временных форм Климов связывает с преобразованием активных и стативных глаголов в переходные и непереходные.

ского hi-спряжения (центростремительного, в котором употреблялись преимущественно стативные глаголы) и окончаний перфекта санскрита и древнегреческого [Lehmann 1993 а: 174; Барроу 1976: 277-278]³:

Табл. 8. Окончания перфекта (бывшего статива) на примере глагола 'ведать'					
	санскр.	греч.	хетт.	индоев.	доиндоев.
1 л. ед. ч.	véda	oída	sak-hi	-ha	-h
2 л. ед. ч.	véttha	oístha	sak-ti	-tha	-th
3 л. ед. ч.	véda	oide	sak(k)-i	-e	-0

Грамматические категории залога и времени на стативные глаголы не распространялись (это вполне типично для активных языков: Г.А.Климов отмечает, например, что грамматическая категория версии – предшественницы залога – присутствует только у активных глаголов, способы действия у стативных глаголов тоже различаются относительно слабо [Климов 1977: 132]).

В германских языках, в которых перфект превратился в претерит, сохранилось несколько глаголов, называемых претеритопрезентными. Вопреки своей форме прошедшего времени они остались, по сути, вневременными: *lais- 'понимать', *kann- 'знать (как сделать)', *ōg- 'бояться', *wait- 'знать', *skal- 'быть обязанным', *mag- 'быть способным'. Именно из-за того, что формально эти глаголы являются претеритом, у современных модальных глаголов английского и немецкого языков в 3 л. ед. ч. нет типичных окончаний настоящего времени: англ. *It may* (не **It mayz*), нем. *Er kann* (не **Er kannt*). У.Леман отмечал, что подразделение сильных глаголов протогерманского на 7 классов отражает первичное подразделение глаголов на активные и стативные: классы I-V имеют значения действий (класс I: *steigan* 'взбираться', класс II: *kīusan* 'выбирать', класс III: *hilpan* 'помогать', класс IV: *niman* 'брать, принимать', класс V: *lisan* 'читать'), а классы VI-VII – значения состояний (*standan* 'стоять', *haitan* 'называться') [Lehmann 2007]. Претеритопрезентные глаголы он считает остатками индоевропейских глаголов неволитивного действия и состояния, представляющих собой отдельный класс в активных языках. Их употребление в

³ Ср. «Die Rekonstruktion des g-idg. [gemein-indogermanischen – E.3.] Verbalsystems zeigt, dass ursprünglich zwei Reihen von Pers.-Suffixen existierten, von denen eine (Sg.: -HA, -THA, -A) für eine Vorstufe des Perfekts, d.h. der Zustandskategorie, die sich im Agr. [Altgriechischen – E.3.] am besten erhalten hat, und z.T. wohl auch des Mediums und des 'thematischen Präsens' (Verbalstamm endet auf e/o) verwendet wurde, während die andere (Sg.: -M, -S, -T) der Vorgangskategorie angehörte» [Schmidt-Brandt 1998: 233]. Р.Шмидт-Брандт называет следующие окончания спряжений настоящего времени: а) активное: -m (1 л. ед. ч.), -s (2 л. ед. ч.), -t (3 л. ед. ч.), б) стативное: -ha, -tha, -e [Schmidt-Brandt 1998: 255]. Видоизменённая форма окончания 1 л. ед. ч. актива сохранилась в церковнославянских формах *esmi* '[я] есть', *damī* '[я] даю', *věmī* '[я] знаю', протогерманском **emm* '[я] есть' и, возможно, латинском *sum* '[я] есть' [Sihler 1995: 459].

прошедшем времени должно, очевидно, свидетельствовать в пользу их происхождения из стативных.

Со временем индоевропейские глаголы состояния при номинативизации превратились преимущественно в непереходные, а глаголы действия и аффективные (как отдельный класс) – в переходные или непереходные [Климов 1977: 177-178]. Индоевропейский язык не представляет собой в данном отношении исключения – происхождение переходных и непереходных глаголов от глаголов действия и состояния различные учёные предполагали для картвельских, тюркских, енисейских и афразийских языков [Климов 1977: 179]. В абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках глаголы делятся на динамические (для выражения действий) и статические (для выражения состояний и результатов действий).

Г.А.Климов полагал, что в индоевропейском с глаголами действия в качестве объектной использовалась та же форма, что и с глаголами состояния (пассивными глаголами) со значением субъекта [Климов 1977: 20]. Это соответствует максимум активным языкам. Он также обращал внимание на то, что в глаголах индоевропейского праязыка, как и в активных языках, поначалу отображались и показатели объекта действия [Климов 1977: 22] (ср. тускарора *R 'əkwē wa-hrak-etkaht-ʔ* (MASCULINE-person FACTIVE-he/me-chase-PRF) 'Человек гнался за мной', где формант *hrak* указывает и на субъект, и на объект действия [Mithun 1999: 190], лазск. *Meoxutan* 'Они снимают крышу с этого' – в глагольную форму интегрировано и указание на деятелей, 'они', и на объект действия, 'это', в данном случае – 'дом').

Следует также упомянуть о той характеристике древних индоевропейских языков, которую У.Леман называет **автономностью слова в предложении**: каждое слово само, без взаимосвязи с соседними словами, определяет свою роль и своё значение в высказывании, «sentences in the proto-language were not bound together by means of government constructions, but simply by the relationships between the inherent meanings of the components and their inflections in a sentence. The characterization applies to the structure of sentences in active languages» [Lehmann 1993 a: 216; ср. Quiles 2007: 222]. Подобные высказывания можно найти и относительно древнейших потомков индоевропейского праязыка. Так, Т.Я.Елизаренкова сообщает следующее о ведийском языке: «Слово в ведийском языке обладает большой самостоятельностью, что обусловлено, во-первых, весьма однозначным характером флексии, позволяющей определить на синтаксическом уровне наличие именно данной связи, и, во-вторых, прозрачностью морфологической структуры основы, помогающей изнутри установить внутреннюю форму слова» [Елизаренкова 1982: 131]. В частности, индоевропейский и ведийский глагол не требовали при себе ни обязательного субъекта, ни обязательного объекта (в этом отношении примечательно также, что опускание подлежащего характерно для SOV-языков [Lehmann 1993 a: 197]). В древних славянских языках субъект обычно опускался, если его можно было восстановить по контексту. Г.А.Хабургаев отмечает, например, что «[д]ля большинства старославянских предложений характерно отсутствие формально выраженного подлежащего» [Хабургаев 1974: 392]. Он делает,

однако, оговорку, что подлежащее опускалось только тогда, когда речь шла об активно действующем лице, а не, например, о животных, предметах, явлениях и т.п. Соответственно, личные местоимения ('я', 'ты') в качестве подлежащего употреблялись редко. В *Грамматике церковно-словенского языка* А.Х.Востокова отмечается, что местоимение-подлежащее присутствует в этом языке только тогда, когда того требует «выразительность речи и полнота смысла» (как в *Азь есмь Богъ и нѣсть иногo; Чaдо, ты всегда со мною еси; Вы же яко человекѣци оумираете*); в остальных случаях достаточно окончания глагола [Востоков 1980: 105]. Соответствующие иллюстрации из современных активных языков мы уже приводили выше, напр. *K^he bá:t^hiŷiŷa-l ʔa: hʔél-an* 'Я ищу своего свёкра' из центрального помо. Повторим, что эти языки также обычно обходятся без отдельного упоминания субъекта, ограничиваясь присоединяемыми к глаголам аффиксами, сопоставимыми с рус. *-ет* в *играет*. Приведём ещё пример из лазского языка: *Moxtu* '[Она] пришла'.

Анна фон Зеефранц-Монтаг перечисляет следующие предполагаемые характеристики индоевропейского праязыка: у индоевропейских глаголов, очевидно, не было валентности, не было чётких синтаксических ролей, чётких субъектно-объектных отношений [Seeffranz-Montag 1984: 522]. Субъекты и объекты она сравнивает с наречиями, которые только при грамматикализации праязыка постепенно становились обязательными из-за всё более жёсткого порядка слов. Постепенно разграничились сначала слабо противопоставлявшиеся друг другу прямое и косвенное дополнение. Языки, в которых сохранилось относительно много неноминативных субъектов, в т.ч. русский, она считает ещё не перешедшими от семантически мотивированного строя (активного или эргативного) к синтаксически мотивированному (номинативному) [Seeffranz-Montag 1984: 524-525]. Субъекты и объекты формально разграничены в них ещё не столь чётко, как, например, в английском. Исчезновение имперсонала в индоевропейских языках коррелирует, как она полагает, со становлением формальных субъектов и развитием возвратных глаголов, а также пассива – языковых средств, позволивших передавать те же значения номинативными конструкциями с обязательным подлежащим. Таким образом, развитие индоевропейских языков идёт, по её мнению, от строя, в котором отдельные слова обладают высокой степенью автономности в предложении, к строю, в котором слова становятся всё более взаимозависимыми. Эта зависимость доходит до того, что носители аналитизированных языков вводят подлежащие-«пустышки» без какого-либо семантического наполнения, чтобы оправдать формы следующих за ними глаголов (как в англ. *It rains* 'Дождет').

У.Леман отмечает ещё одну характеристику, общую у активных языков и индоевропейского праязыка, – интенсивное употребление **частиц** [Lehmann 2007]. Некоторые индоевропейские частицы употреблялись отдельно и в более поздних языках (гот. *ak* и древнеангл. *ac* 'но', древнеангл. и древневерхненем. *nu* 'сейчас'), другие со временем превратились в суффиксы (гот. *-ei* – частица, с помощью которой указательные местоимения превращались в относительные: акк. ед. ч. *þan-ei* 'который'; гот. *-u* и *-uh* –

частица, сопоставимая с рус. *ли: Maguts-u driggkan stikl panei ik driggka?* (can-you-two ? drink cup which I drink) ‘Можете ли вы двое пить чашу, которую пью я?’), некоторые частицы стали предлогами (гот. *af* и древнеангл. *of* = англ. *of*; гот. *bi*, древнеангл. и древневерхненем. *bī* = англ. *at, around*; древневерхненем. *zi* = англ. *to*), отдельные частицы сохранились также в виде флексий (**so* ‘здесь’ > *-s* – ном. ед. ч. в гот. *dags* ‘день’; возможно, из той же частицы произошло и окончание индоевропейского генитива, сохранившегося в гот. *broþrs* ‘брата’). Широко использовались частицы в хеттском языке.

Прилагательные в активных языках отсутствуют или плохо развиты, вместо них употребляются стативные глаголы типа ‘быть весёлым’, ‘быть хорошим’: дакота *ta* ‘[он, она, оно] умирает’ или ‘[он] мёртв, [она] мертва, [оно] мертво’ – *maṭa* ‘я умираю’ или ‘я мёртв’, *wašte* ‘хороший’ > *māwaste* ‘я хороший’ (С.Риггс, приводящий эти примеры, отмечает, что, по мнению проф. А.Вильямса, такие конструкции сопоставимы с устаревшими английскими безличными конструкциями с дативными субъектами типа *methinks, meseems* ‘мне кажется’) [Riggs 1893: 31; ср. Климов 1977: 82, 103]. Субъекты в данных конструкциях оформлены подобно объектам действия при активных глаголах, т.е. подобно современному дополнению в винительном падеже в русском языке. Из-за столь активного употребления глаголов их удельный вес в лексиконе активных языков значительно больше, чем в номинативных, тем более что по формам существительных активных языков также обычно можно определить их отглагольное происхождение. Например, в индейском языке чироки 75% лексики приходится на глаголы и 25% – на прочие части речи, в то время как в английском 75% приходится на прочие части речи и 25% – на глаголы [Raymond 2008].

Рассмотрим ещё несколько примеров: лакота *Ma-ya-'kte* (IUND-2ACT-kill) ‘Ты меня убиваешь’ (где *ma* – ‘меня’), *Ma-ci'k'ala* (IUND-small) ‘Я маленький’ (в качестве субъекта использовано то же пациентивное местоимение *ma*); билокси *Ay-toho* (2SG-fall) ‘Ты падаешь/ упал’ (где *ay* – пациентивная форма личного местоимения, подчёркивающая неволитивность действия), *Ay-i''hi''toṭa''* (2SG-brave) ‘Ты храбрый’ (использовано то же пациентивное местоимение), кроу *B-ihaw'wi-ky* (1SG.PAT-sleep-INDIC) ‘Я сплю/ спал’ (в начале предложения стоит пациентивное местоимение *b*), *Bi-watsa'tsi-ky* (1SG.PAT-powerful-INDIC) ‘Я могучий’ (использовано то же пациентивное местоимение), тускарора *Raw-vháyav-*: (MASC.UND-die-PERF) ‘Он умер/ мёртв’, *RA-hvhsisi* (MASC.UND-black-PERF) ‘Он чёрный’ [Stassen 1997: 449, 451]. В гуарани прилагательные являются подклассом глаголов, употребляющихся с пациентивными субъектами-приставками [Stassen 1997: 619]. Эти пациентивные «местоимения» (или же аффиксы) являются одновременно и притяжательными. Рассмотрим также примеры из индейского языка тутело, родственного дакоте. Объектным местоимением третьего лица в нём выступает *e* ‘его, её, это’. При добавлении к «прилагательным» (т.е. стативным глаголам) формант *e* превращается в пассивный (стативный) субъект: *bī* ‘хороший, быть хорошим’ > *ebīse* ‘Он хороший’, *ebilēse* ‘Они хорошие’, *ebikōa* ‘Он был хорошим’ [Hale 1883: 33-

34]. Глагола-связки здесь не требуется. В языке чокто прилагательных как самостоятельной части речи нет, вместо них используются стативные глаголы: *Hattak-at chaaha-h* (man-NM tall-TNS) 'Мужчина высок' (к стативному глаголу присоединён маркер времени), *Hattak cháaha-'at baliili-h* (man tall-NML-NM gun-TNS) 'Высокий мужчина бежит' (к стативному глаголу присоединён суффикс номинализации глагола); в обоих случаях к стативным глаголам присоединены также маркеры номинатива [Broadwell 2006: 51].

Таким образом, в активных языках вместо прилагательных употребляются стативные глаголы, которые ничем не отличаются от прочих стативных глаголов типа 'сидеть', 'лежать', 'спать', 'умирать'. Альтернативно свойства и качества существительных передаются так же, как в современных английских сочетаниях типа *a stone wall* 'каменная стена', где первое существительное описывает второе [Климов 1977: 107] (с той разницей, что в активных языках может быть и наоборот: второе существительное описывает первое): мохавкск. *takó:s owí:rá* 'котёнок' = 'кот' + 'молодняк' [Deering, Harries-Delisle 1976: 222].

Некоторые параллели между активными языками и индоевропейским праязыком в плане употребления стативных глаголов для выражения качеств будут описаны в одной из следующих частей, когда речь пойдёт о безличных конструкциях. Здесь же мы остановимся на вопросах неразвитости в праязыке прилагательных как части речи и широкой распространённости в нём квазиадъективов-существительных.

В индоевропейских языках большинство прилагательных развилось из существительных, что видно по их флексиям [Quiles 2007: 119], т.е. первоначально в качестве отдельной части речи прилагательных не существовало. Свойства и качества существительных передавались первоначально сочетаниями типа англ. *a stone wall* 'каменная стена' [Quiles 2007: 139]. Так, в хеттском некоторые слова могли быть прилагательными или существительными без изменения формы, что отражает более древнюю стадию, когда разграничения этих частей речи не делалось: *kurur* 'враг, вражеский', *taksul* 'мир, мирный' [Lehmann 1993 a: 227]. В.Витни писал о том же разграничении в санскрите: «The division-line between substantive and adjective, always an uncertain one in early Indo-European language, is even more wavering in Sanskrit than elsewhere» [цит. по: Lehmann 1993 a: 226]. Т.Я.Елизаренкова писала о ведийском языке, считающемся либо предшественником, либо ранней формой санскрита: «Прилагательные формально не отграничены от существительных: имеют те же типы основ и флексии. Притом что некоторые типы основ являются адъективными или субстантивными по преимуществу, из-за многочисленных случаев субстантивизации и адъективизации (существительное, употребляющееся как последний член сложных слов типа бахуврихи) принципиальной границы между существительными и прилагательными нет» [Елизаренкова 1982: 199; ср. Spreyer 1896: 2]. По данным М.Ремневой, «[в] индоевропейском языке имя прилагательное не существовало как особый разряд слов, формально отграниченный от существительных. В праславянском языке прилагательное прошло путь от недифференцированного имени через синтаксическое вы-

членение этого разряда слов из общего класса имён до его формального обособления» [Ремнева 2004: 194-195]. Под недифференцированными именами подразумеваются слова, которые могли выступать и как названия предмета, и как названия признака.

Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов описывают процесс становления прилагательных из класса имён [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 279]. Первичные формы прилагательных они сравнивают с генитивными композитами. Для них реконструируются те же окончания активности и инактивности *-*[o]s* и *-*[o]m*, которые употреблялись и в качестве генитивных, и в качестве формантов существительных активных и инактивных классов. Окончание активности присоединялось к именам-определителям в случае, если определяемое слово принадлежало к активному классу, окончание инактивности – если определяемое слово принадлежало и инактивному классу. Так достигалось согласование слова-определителя и слова-определяемого. Гамкрелидзе и Иванов приводят соответствующие примеры из хеттского языка, где согласовательным адъективным окончанием общего (одушевлённого) рода было *-[a]š*, а среднего (неодушевлённого) – *-an* или нулевое: *neçaš* ‘новый, новая’ – *nečan* ‘новое’, *aššuš* ‘хороший, хорошая’ – *aššu* ‘хорошее’, *šalliš* ‘большой’ – *šalli* ‘большое’. В некоторых других архаичных индоевропейских языках формы прилагательных мужского и женского рода также противостоят формам среднего рода: лат. *fortis* ‘сильный, сильная’ – *forte* ‘сильное’, санскр. *tanú-h* ‘тонкий, тонкая’ – *tanú* ‘тонкое’; греч. *πάτριος* ‘отцовский, отцовская’ – *πάτριον* ‘отцовское’.

Недифференцированность прилагательных и существительных видна также по формам сравнительной степени прилагательных старославянского с суффиксом *-ък*, образовывавшихся не от основы прилагательного (*вѣсъкъ*-, *редъкъ*-), а от корня, т.е. от исходного имени без суффикса прилагательного. Соответственно, суффиксы для формирования прилагательных вторичны. Г.А.Хабургаев отмечает, что в старославянском языке все имена (существительные, прилагательные, счётные слова) представляли собой в морфологическом отношении единую группу слов, объединяясь общими словообразовательными показателями [Хабургаев 1974: 160]. У.Леман обращал внимание на немногочисленность унаследованных из праязыка прилагательных в протогерманском языке, причисляя данную характеристику к реликтам активного строя [Lehmann 2007].

Поскольку в праязыке почти не было прилагательных, в ранних индоевропейских языках не могло быть и общих степеней сравнения (или же общих схем образования таких степеней), отсюда – супплетивность форм сравнительной и превосходной степеней в обозначении понятий типа ‘хороший’, ‘плохой’, ‘большой’, ‘малый’ [Кацнельсон 1936: 13-14; Lehmann 1993 a: 155], ср. *малъ* – *льн’ни* – *льнѣ*; *великъ* – *вол’ни*/ *вел’ни* – *волю*, *мъногъ* – *вашти* – *ваштѣше*, *зълъ* – *гор’ни*/ *поушти* – *гор’ъше*/ *поуштѣше* [Хабургаев 1974: 235; ср. Востоков 1980: 39]. О первоначальной расплывчатости частей речи свидетельствует то обстоятельство, что суффиксы сравнительной и превосходной степени присоединялись и к существительным: санскр. *vīrātara* ‘более мужественный’, *mārtāma* ‘самый материнский’ [Lehmann 1993 a: 155-156; ср. Speyer 1896: 2]. В старославянском

сравнительные степени можно было строить от страдательных причастий, наречий, устойчивых выражений (*трѣкѣ ѣсть*), существительных (*мѣжанише... вѣшѣ* от *мѣжѣ*) и даже местоимений (*такѣ* > *таучѣ*, *свои* > *своати*) [Вайан 1952: 163; ср. Востоков 1980: 39]. В хеттском вообще нет аффиксов сравнительной степени [Lehmann 1993 a: 156]. В древнерусском степени сравнения уже присутствовали, но употреблялись редко [Горшкова, Хабургаев: 224-225]. Для выражения высшей степени проявления признака использовались либо приставки, эквивалентные нынешним *пре-* и *наи-*, либо описательные конструкции со словами типа *вельми* и *весьма*. В активных языках используются те же способы. В дакоте сравнительная степень «прилагательных» строится с помощью слова *saŋpa* ‘больше, более’: *wašte* ‘хороший’ > *saŋpa wašte* ‘более хороший’ [Riggs 1893: 46]. Альтернативно вместо фраз типа ‘Александр выше Сергея’ используются описательные выражения типа ‘Александр высок, Сергей низок’: дакота *De síca, he wašte* ‘Это – хорошо, а то – плохо’ (вместо ‘Это лучше того’), мохавкск. *Sénha kowá:nen* ‘Это больше’ = ‘больше’ + ‘быть большим’, *Ra-ónha sénha ron`wé:sen tsi ní:iot ne Wishe* ‘Он симпатичней Джо’ = ‘Он’ + ‘больше’ (*sénha*) + ‘быть симпатичней, лучше’ + ‘Джо’ [Deering, Harries-Delisle 1976: 251-253]. Превосходная степень в мохавкском образуется с помощью слова *aonhá* ‘наиболее’.

Одним из распространённых средств, компенсирующих слабую развитость прилагательных, является интенсивное использование уменьшительных суффиксов [Климов 1977: 107]. Они употребляются в активных языках ассинибойн (ср. *hokší* ‘мальчик’ + уменьшительный суффикс *-na* = *hokšína* ‘маленький мальчик’), дакота (ср. *mde* ‘озеро’ > *mde-daj* ‘озёрце’, *wakpa* ‘река’ > *wakpa-daj* ‘речка’), тлингит, в семье тупи-гуарани. Обильны диминутивными суффиксами были и ранние индоевропейские языки, причём прослеживается явная корреляция между степенью синтетичности языка и сохранностью (или же развитостью) таких суффиксов. Нередко в активных языках можно найти и другие суффиксы существительных, компенсирующие немногочисленность прилагательных. В мохавкском языке это аугментативные суффиксы (*kaniatara`kó:wa* ‘большая вода = океан’), а также суффиксы в значении ‘истинный’ (*onkwehón:we* ‘истинный человек = индеец’), ‘старинный, старый’ (*-kenha*), ‘новый’ (*-ase*), ‘бывший’ (*-aka:ion*) [Deering, Harries-Delisle 1976: 168-169]. Мы, однако, не будем причислять здесь уменьшительно-ласкательные и прочие суффиксы к фреквенталиям активного строя, т.к. активные языки являются преимущественно аналитическими, а аналитический строй, по сравнению с синтетическим, как было продемонстрировано в первой части настоящей работы, в некоторой мере препятствует аффиксации.

Таким образом, прилагательные в индоевропейском праязыке только зарождались, приходя на смену описанным выше аналитическим формам (типа англ. *a stone wall* ‘каменная стена’, типичным и для активных языков), а также стативным глаголам (в случае предикативных прилагательных типа англ. *The house is big* ‘Дом велик’), которые будут описаны в одной из следующих частей нашего исследования.

Возможно, одной из фреквенталий активного строя является наличие **супплетивных сингулярных и плюралных глагольных лексем**, т.е. различных, зачастую не связанных этимологически глаголов для передачи одного и того же значения в единственном и множественном числе [Климов 1977: 99-101]. Обычно супплетивные формы встречаются у активных глаголов, ассоциируемых с одушевлёнными референтами, т.е. типа 'идти', 'бежать', 'лететь', 'умирать', 'сидеть', 'плыть', 'брести', 'вести', 'прыгать', 'брать'. В частности, такая характеристика присутствует в языке коасати: *haccá:lin* 'стоять' (об одном), *hikki:lin* 'стоять' (о двух), *lokkó:lin* 'стоять' (о многих), *cokkó:lin* 'сидеть' (об одном), *cikkí:kan* 'сидеть' (о двух), *í:san* 'сидеть' (о многих); *á:tan* 'проживать' (об одном), *áswan* 'проживать' (о двух), *í:san* 'проживать' (о многих, ср. 'сидеть'); *ballá:kan* 'лежать' (об одном), *balláskan* 'лежать' (о двух), *bálkan* 'лежать' (о многих); *illin* 'умирать' (об одном или двух), *hápkán* 'умирать' (о многих); *alí:yan* 'идти' (об одном или двух), *amá:kan* 'идти' (о многих); *óntin* 'приходить' (об одном или двух), *ilmá:kan* 'приходить' (о многих); *walí:kan* 'бежать' (об одном), *tółkan* 'бежать' (о двух или многих) [Mithun 1999: 85]. В следующих трёх примерах из языка коасати существительное не меняет своей формы, поэтому о его числе можно судить только по форме глагола, в данном случае супплетивной: *Okipófka-k o:w-á:y* (whale-SUBJECT in.water-go.about.SINGULAR/DUAL) 'Кит плавает', *Okipófka-k o:w-a:yá-ic* (whale-SUBJECT in.water-go.about.SINGULAR/DUAL-3NON.SINGULAR) 'Два кита плавают', *Okipófka-k o:-yomáhl* (whale-SUBJECT in.water-go.about.PLURAL) 'Киты плавают' [Mithun 1999: 86]. Супплетивные формы глаголов встречаются также в языках чимарико (-wo- 'сидеть' (одному), -pat- 'сидеть' (многим); -tum- 'бежать' (одному), -tcaxis- 'бежать' (многим)) [Mithun 1999: 380], начез (*h-ahti-ʔiš* 'идти' (одному), *h-akši-ʔiš* 'идти' (двоим), *we-haki-ʔiš* 'идти' (многим)) [Mithun 1999: 469], карук (*ihy-árih* 'стоять' (одному одушевлённому), *ʔeʔhriv* 'стоять' (двум или многим одушевлённым)) [Mithun 1999: 435] и языке микасуки (*tini-k-* 'бежать' (одному), *pala-k-* 'бежать' (нескольким), *mata-k-* 'бежать' (многим)) [Mithun 1999: 465]. Супплетивными могут быть и формы существительных: центральный помо *báya* 'человек', *čá-č* 'люди' [Mithun 1999: 83].

Г.Остхофф в работе *Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen* обратил внимание на наличие супплетивных форм и у индоевропейского глагола [Osthoff 1899: 7-15]. Особенно это касается глаголов в значении 'быть', 'есть', 'идти', 'видеть'. Например, в современном немецком форма *gehen* 'идти' противопоставит формам *ging* и *gegangen* 'шёл, шла, шло', произошедшим от самостоятельного глагола *gangan*. В английском очевидна супплетивность глагола *to go* 'идти' (*went* в прошедшем времени); в латыни – супплетивность глагола *fero* 'нести' (*tulī, lātum*), в древнеиндийском – супплетивность глаголов 'идти' (*éti* 'он идёт', *á-gāt* 'он шёл, пришёл') и 'быть' (*ásti* 'есть', *á-bhūt* 'он стал, был'). Неясно, однако, какой процент из числа таких глаголов можно причислить к первоначально плюралным. В современных индоевропейских языках глагольный супплетивизм встречается редко, ср. англ. *to massacre, to troop* в качестве плюралных лексем.

Г.А.Климов связывает наличие супплетивных пар в активных языках со слабой развитостью морфологической категории числа.

В языках с чертами активного строя, как отмечалось выше, субстантивы делятся не на три **рода**, а на два класса по принципу одушевлённость-неодушевлённость. В частности, в языке лакота употребление форм неопределённого артикля во мн. ч. зависит от того, является ли существительное одушевлённым или неодушевлённым; в отдельную группу выделяются и собирательные понятия. У существительных с одушевлёнными и неодушевлёнными денотатами различаются также формы мн. ч. Именно по различному употреблению множественного числа и распознаются обычно классы одушевлённых и неодушевлённых существительных, т.к. никаких особых суффиксов или окончаний типа рус. *-а* (ж. р.) и *-о* (ср. р.) у них обычно нет. Поскольку выше мы уже приводили достаточно примеров такого разграничения, ограничимся здесь примерами из двух языков: чироки *kanesa'i* ‘коробка’ > *dikanesa'i* ‘коробки’ (неодуш.) vs. *agehya* ‘женщина’ > *anigehya* ‘женщины’ (одуш.) [Raymond 2008]; махавкск. *kheién'okón:'a* ‘мои дети’, *erharokón:'a* ‘мои собаки’ vs. *ake'rahshón:'a* ‘тарелки’, *kaia'tonni'shón:'a* ‘куклы’ (как это обычно бывает в активных языках, флексии мн. ч. часто не требуется, особенно если перед существительным стоят числительные или слова типа ‘много’) [Deering, Harries-Delisle 1976: 422-423]. М.Митун отмечает, что в индейских языках к активным принадлежат обычно, помимо названий людей и животных, многие движущиеся предметы, названия деревьев и инструментов из металла, названия духов и небесных светил, большинство названий фруктов и овощей со съедобными корнями, в то время как ягоды, орехи и овощи со съедобными плодами, растущими над землёй, причисляются к неодушевлённым [Mithun 1999: 98-99].

В индоевропейском праязыке делению существительных на три рода предшествовало деление на два класса – класс одушевлённого и класс неодушевлённого [Meier-Brügger 2002: 190-191, 202; Kortlandt 1983: 309]. Так подразделялись существительные, в частности, в древних анатолийских языках. Очевидно, носители прото-анатолийского отделились от индоевропейцев ещё до образования категории рода, что позволило сохранить более древнее деление на классы: *genus commune/ genus animatum/* класс одушевлённого vs. *genus neutrum/ genus inanimatum/* класс неодушевлённого. Семантическая макророль агенса была присуща только первому классу, отсюда совпадение форм аккузатива и номинатива у существительных среднего рода в древних и современных индоевропейских языках. Распад одушевлённого и неодушевлённого классов в индоевропейском праязыке мог быть связан, как полагают российские учёные, с грамматизацией языковой структуры, т.е. с переходом от строя, при котором все субстантивы принадлежали либо к классу одушевлённых (и тогда они были активны), либо к классу неодушевлённых (и тогда они были пассивны), к строю, при котором такое деление больше не играло роли, а потому любое существительное могло оказаться и в роли объекта, и в роли субъекта:

«Естественно ожидать формирования склонения именно в ту эпоху, когда стабильное распределение субстантивов на одушевлённые и неодушевлённые начинает уступать место их лабильным “классам” субъектов и объектов. Именно в эту фазу происходит усиление удельного веса грамматики в передаче субъектно-объектных отношений, находящее своё выражение, в частности, в становлении оппозиции активного и пассивного падежей» [Климов 1977: 200].

«По существу своему активные и пассивные категории тогда делаются категориями склонения, т.е. рассматриваются как возможные модификации одного понятия, когда оказывается снятой классификация предметов внешнего мира на активные и пассивные. Процесс этот обусловлен возникновением в сознании категории субстанции предмета как носителя всевозможных качеств, временными состояниями которого являются как активный, так и пассивный падеж, применение которых зависит от конкретных условий, в данном случае – от сочетания с определённым глаголом» [М.М.Гухман, цит. по: Климов 1977: 200].

Распад *genus animatum* на мужской и женский род произошёл, очевидно, под давлением нескольких особо высокочастотных существительных типа ‘женщина’, которые, обладая окончанием *-a*, по принципу аналогии стали притягивать к себе и другие существительные, имевшие денотатами существ женского пола. Так образовалась первичная группа существительных, обладавших одинаковыми окончаниями и одинаковой семантикой. Затем семантическая мотивация постепенно утратилась, и к этому классу стали причислять существительные просто по формальному признаку (окончанию). Тем не менее, в древних индоевропейских языках деление по родам было более прозрачно семантически, чем сейчас, если учитывать, что существительные мужского и женского рода относились когда-то к одному классу одушевлённых существительных, а существительные среднего рода – к классу неодушевлённых. Как и в активных языках, названия наружных органов принадлежали первоначально к одушевлённому классу (позже – к мужскому или женскому роду, ср. греч. *poûs* и лат. *pēs* ‘нога’), а названия внутренних органов – к неодушевлённому классу (позже – к среднему роду, ср. санскр. *yákr̥t*, лат. *iecur* и греч. *hēpar* ‘печень’) [Lehmann 1993 a: 216-217].

Для примера рассмотрим категорию рода в ведийском языке. Как отмечает Т.Я.Елизаренкова, «[Г]раммема среднего рода противостоит граммемам мужского и женского рода, вместе взятым, как обладающая признаком неодушевленности в противоположность одушевленному (или во всяком случае потенциально способным выражать одушевленность)» [Елизаренкова 1982: 190]. Автор подчёркивает, что мужской и женский род можно рассматривать как один одушевлённый [Елизаренкова 1982: 205]. В ведийском языке нет типа основ существительных, в которых объединялись бы граммемы женского и среднего рода без мужского (т.е. граммемы, обладающие дифференциальным признаком со знаком «плюс»), и нет также типа основ, который обладал бы только одной граммемой мужского рода. С другой стороны, присутствуют типы основ, регулярно объединяющие значение граммем мужского и женского рода, что

говорит об их общем происхождении. Как и в почти всех остальных индоевропейских языках, формальным признаком флексии среднего рода является совпадение именительного и винительного падежей во всех числах. Вообще у любого типа основ, объединяющего мужской и средний род, парадигма среднего рода различает на одну форму меньше, чем соответствующая парадигма мужского рода, что соответствует одной из фреквенталий активного строя – большому числу флексий у одушевлённых существительных по сравнению с неодушевлёнными. Примечательно также, что существительные среднего рода получали пациентивное окончание *-m* в номинативе и аккузативе (ед. ч.), в то время как существительные мужского и женского рода получали агентивное окончание *-s* в номинативе и пациентивное *-am* в аккузативе. Эти окончания, как было указано выше, присутствовали и в индоевропейском в качестве реликтов активного строя. Кроме того, в значительной мере совпадали окончания мужского и женского рода во множественном числе номинатива, в то время как окончания среднего рода от них отличались, что можно считать функциональным эквивалентом категории одушевлённости в русском языке. Мужского рода были существительные, обозначающие названия стран, деревьев, гор, морей, облаков, неба; женского рода были существительные, обозначающие названия рек, растений, одежд, городов, земли, молнии; среднего рода – названия металлов, фруктов, одежды, воды [Speyer 1896: 3]. Принципы активного строя в этом распределении уже явно затемнены.

О санскрите Т.Барроу сообщает, что категория рода мотивирована только для названий людей и животных [Барроу 1976: 190-191]. Основная масса суффиксов мужского рода встречается в санскрите и в именах женского рода, специфически женские суффиксы *-ā*, *-ī* употребляются и в производных мужского рода, что свидетельствует об общем происхождении этих двух родов. Барроу приводит следующий пример: суффикс не-среднего рода *-ās* можно встретить в именах мужского и женского рода: *apās*- ‘деятельный’ и ‘деятельная’.

В древнерусском языке категория рода проявлялась более ярко, чем в современном, что видно уже по тому факту, что родовая принадлежность маркировалась и во множественном числе, в то время как в современном русском по множественному числу её определить невозможно (*столы, стены, деревья*) [Горшкова, Хабургаев 1981: 135]. Тем не менее, даже в праславянском категория рода не имела прямой связи с лексическим значением слова. Исключение представляла и по сей день представляет собой группа существительных, относящихся к людям (*сестра, жена vs. брат, муж*).

Поскольку в русском языке категория рода не отображает в полной мере принадлежность существительного к одушевлённому или неодушевлённому, близость языка к активному строю легче подсчитать по сочетаемости существительных, имеющих одушевлённые и неодушевлённые денотаты (независимо от их рода), с переходными глаголами. В активном строе глаголы, соответствующие переходным при номинативном строе, обычно являются глаголами действия, поэтому сочетаются они только с субстантивами активного/ одушевлённого класса. Если исходить из того, что индоевропейский язык действительно обладал активным строем, то

можно предположить, что язык, допускающий относительно мало существительных с неодушевлёнными денотатами при переходных глаголах, является более консервативным по сравнению с теми, которые допускают много таких сочетаний. Кроме того, если соотношение подлежащих с одушевлёнными и неодушевлёнными денотатами меняется в течение веков, то это, очевидно, должно свидетельствовать о номинативизации или денонинативизации.

Мы провели соответствующие подсчёты на материале русской художественной литературы. В поиск подборок литературы XVIII-XX вв. было введено окончание 3 л. ед. ч. Другие формы не учитывались, поскольку формы первого и второго лица исключают неодушевлённого производителя действия. Всего было проверено 3000 случаев – по 1000 на столетие.

Табл. 9. Одушевлённые и неодушевлённые субъекты при переходных глаголах на *ает (3 л. ед. ч. наст. вр.) в русской художественной литературе

	XVIII в.	XIX в.	XX в.
одуш.	699 (70%)	709 (71%)	704 (70%)
неодуш.	301 (30%)	291 (29%)	296 (30%)

Подсчёты производились по произведениям следующих авторов: а) XVIII в.: И.Ф.Богданович, Г.Р.Державин, И.И.Дмитриев, А.Д.Кантемир, В.В.Капнист, Н.М.Карамзин, Я.Б.Княжнин, М.В.Ломоносов, В.И.Майков, Феофан Прокопович, А.П.Сумароков, В.К.Тредиаковский, Д.И.Фонвизин, И.И.Хемницер, М.М.Херасков; б) XIX в.: С.Т.Аксаков, А.Н.Апухтин, Е.А.Баратынский, К.Н.Батюшков, А.А.Бестужев-Марлинский, В.М.Гаршин, А.И.Герцен, Н.В.Гоголь, А.С.Грибоедов; в) XX в.: А.Т.Аверченко, Л.Н.Андреев, М.П.Арцыбашев, А.А.Блок, В.Я.Брюсов, М.А.Волошин, Н.Г.Гарин-Михайловский, А.С.Грин. Все произведения взяты из электронного сборника *Антология русской литературы: от Нестора до Маяковского* (М., 2004). В качестве подлежащих и дополнений учитывались и местоимения, и существительные. К одушевлённым были причислены и имена со значением собирательности (типа *Церковь осудила писателя*, но не *Церковь стояла на холме*), и названия частей тела, а также растений. К неодушевлённым были причислены и абстрактные понятия. Учитывались все прямопереходные глаголы, какой бы ни была их семантика. Случаи, когда при глаголе может присутствовать дополнение, но в данном случае не присутствует (*Он читал*, *Они пели*), не учитывались. Как видно по результатам, никаких колебаний в соотношении одушевлённых и неодушевлённых субъектов при переходных глаголах за последние 300 лет не произошло. Соответственно, если русский язык и движется в сторону номинативного строя или удаляется от него, то на частотности имен с неодушевлёнными денотатами при переходных глаголах это не отразилось.

Иногда в активных языках с одушевлёнными и неодушевлёнными существительными употребляются и различные формы числительных. Например, в мохавкском языке с неодушевлёнными существительными используются числительные в значении ‘один’, ‘два’ и т.д., а с одушевлёнными – числительные в значении ‘одно тело’, ‘два тела’ и т.д. [Deering,

Harries-Delisle 1976: 222-223]. Аналогичные разграничения присутствуют и в некоторых синтетических индоевропейских языках. Если в русском языке можно сказать *двое, трое, пятеро мужчин*, но *два, три предмета, пять предметов*, то в английском таких разграничений по употреблению числительных нет: *two, three, five men, things*. Речь идёт о собирательных числительных 2-10, имевших эквиваленты и в старославянском языке: *дѣвои, трои, четверѣ, паторѣ, шесторѣ, седморѣ, осморѣ, деѣлаторѣ, деслаторѣ* [Ремнева 2004: 229].

Разграничение **отчуждаемой и неотчуждаемой собственности** обычно приписывается только «экзотическим» языкам, хотя на самом деле его, пусть в менее явном виде, можно встретить и в наиболее распространённых индоевропейских языках. К классу неотчуждаемой собственности зачастую относятся названия частей тела, родственных отношений, частей предметов, вещей, тесно связанных с человеком (оружие, орудия труда, обувь, следы ног и т.п.), к классу отчуждаемой собственности – все остальные существительные. В некоторых языках альтернативно оформляются только названия родственных связей. По одной теории, в таких случаях речь идёт о реликтах класса неотчуждаемой собственности, большинство членов которого уже перешли (возможно, под давлением аналогии) в класс отчуждаемой [Sapir 1990: 75-77]. По другой теории, классы родственных связей и неотчуждаемой собственности в таких случаях были изначально различны.

Широко распространено деление существительных на классы отчуждаемой и неотчуждаемой собственности среди языков американских индейцев: в тлингитском, хайде, чимарикском, в языковых семьях цимшиан и сиумскогейских [Кацнельсон 1936: 74; Sapir 1990: 75]. Ниже будут рассмотрены некоторые примеры построения конструкций отчуждаемой и неотчуждаемой собственности из активных языков.

В дакоте и тутело для обозначения неотчуждаемой собственности используются объектные формы местоимений: дакота *suñka* ‘младший брат’ > *mi-suñka* ‘мой младший брат’, *yi-suñka* ‘твой младший брат’; тутело *súntka* ‘младший брат’ > *wi-súntk* ‘мой младший брат’, *yi-súntk* ‘твой младший брат’ (дефисы мы ввели здесь, чтобы разграничить местоимение, стоящее на первом месте, и существительное) [Hale 1883: 22-24]. Для обозначения отчуждаемой собственности в дакоте используется специальная форма посессивного местоимения, производная от объектной: *mita* ‘мой’, *nita* ‘твой’ и т.д.: *mita-oñspe* ‘мой топор’, *nita-çuñke* ‘твоя собака’. В языке тутело для той же цели используются составные местоимения (‘мой’ + ‘собственность’ и ‘мой’ + ‘держат при себе’), употребляемые после существительных, т.е. не сливающиеся с ними, как в дакоте: *hisēp’ migīōwi* ‘мой топор’, *hisēp’ yiñgīōwi* ‘твой топор’ и *tç, oñgo wahkimpī* ‘моя собака’, *tçoñgo yahkimpī* ‘твоя собака’. В языке чокто существует два ряда префиксов, один из которых употребляется для выражения отчуждаемой собственности (1 л. ед. ч.: *am-*, мн. ч.: *pim-*, 2 л. ед. ч.: *chim-*, мн. ч.: нет, 3 л. ед. ч.: *im-*, мн. ч.: нет), другой – для выражения неотчуждаемой собственности и в названиях родственных связей (1 л. ед. ч.: *sa-*, мн. ч.: *pi*, 2 л. ед. ч.: *chi-*, мн. ч.: *hachi-*, 3 л.: нет) [Broadwell 2006: 53-54; Haag et al. 2001: 79-82]. Некоторые

представители класса существительных неотчуждаемой собственности могут, однако, употребляться или обычно употребляются с префиксом отчуждаемой собственности: *sa-háyuu* 'жена моего брата' (*sa-* обозначает неотчуждаемую собственность) vs. *a-ki* 'мой отец' (*a-* обозначает отчуждаемую собственность). К неотчуждаемой собственности причисляются *choshshak* 'затылок', *haknip* 'тело', *hakshish* 'сухожилие', *haksobish* 'ухо', *hanaali* 'нога', *hapólllo* 'зад', *hattip* 'бедро', *hishi* 'волосистой покров, перо, лист', *ibbak* 'рука', *ibbakóshi* 'палец', *ibiilhakla* 'гениталии', *issish* 'кровь', *ibiishákni* 'нос', *iffoka* 'грудь', *ikkóla* 'шея', *chunkash* 'сердце', *hakshup* 'кожа', *hasimbish* 'хвост', *inali* 'спина', *iffuka* 'живот', *itakha* 'рот', *nishkin* 'глаз', *noti* 'зубы', *nushkobo* 'голова', *nushoka* 'лицо', *nutakfa* 'подбородок', *pashi* 'волосы (на голове)', *ippok* 'внук, внучка', *isso* 'сын', *ichaapa* 'друг, партнёр', *ayocholóoli* 'потомок', *ippaf* 'собака'. В языке коасати к существительным, обозначающим отчуждаемую собственность, присоединяются префиксы ряда *am* (назван так по форме 1 л. ед. ч.), а к существительным неотчуждаемой собственности присоединяются префиксы ряда *sa* [Kimball, Abbey 1994: XIX; Kimball, Abbey 1991: 432-433]:

Табл. 10. Префиксы отчуждаемой и неотчуждаемой собственности в активном языке коасати [Kimball, Abbey 1994: XX]				
	ряд <i>am</i> (отчужд.)		ряд <i>sa</i> (неотчужд.)	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	am-	kom-	sa-	ko-
2 л.	cim-	hacim-	ci-	haci-
3 л.	im-		ø-	

Примеры: *am-ifá* 'моя собака', *cim-ifá* 'твоя собака', *im-ifá* 'его/ её/ их собака', *sa-halki* 'моя жена', *ci-halki* 'твоя жена'. К неотчуждаемой собственности причисляются кожа, спина, уши, волосы, нос, лицо, борода, рука, щека, язык, рот, пенис, мозг, голова, нога, глаза, суставы, колени, пятки, ногти, затылок, икры, печень, жёлчный пузырь, лимфоузлы, подмышки, кадык, вагина, зубы, кисти рук, бёдра, плечи, грудь, соски [Kimball, Abbey 1991: 436-437]. Тот же ряд префиксов (или использованных в качестве префиксов местоимений) *sa-* маркирует объекты действия и пациентивные субъекты, а ряд *am-* – агентивные субъекты. В языке тускаро-ра префиксы неотчуждаемой собственности связаны с агентивными префиксами (ср. *k-tá'reh* 'моя голова' – *K-arerúha* 'Я бегу'), префиксы отчуждаемой собственности – с пациентивными префиксами (ср. *ak-hà:weh* 'моя лодка' – *Wak-taturá'ðeh* 'Я ленив') [Mithun 1999: 253]. К неотчуждаемой собственности относятся голова, глаза, уши, зубы, кожа, волосы, печень, к отчуждаемой – лодка, иголка, дом, метла. Подробно категории отчуждаемой и неотчуждаемой собственности в индейских языках, в т.ч. активных, рассмотрены в статье М.Митун «The difference a category makes in the expression of possession and inalienability» [Mithun 2001].

В ранних индоевропейских языках Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов обнаруживают сходство с активными языками и в плане разграничения от-

чуждаемой и неотчуждаемой собственности [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 290]. Так, в хеттском они отмечают противопоставление самостоятельных притяжательных местоимений типа *ammel* ‘мой’, *tuel* ‘твой’, *apel* ‘его’ и энклитических притяжательных местоимений *-miš*, *-mit* ‘мой, моя, моё’, *-tiš*, *-tit* ‘твой, твоя, твоё’, *-šiš*, *-šit* ‘его’. Первые использовались преимущественно с абсолютными именами (A-a-ma an-zi-[el SAL].LUGAL^{URU} *Ka-ni-iš XXX SAL.DUMU I.ŠU ḫa-aš.ta* ‘Однажды наша царица города Канес (Несы) тридцать дочерей за один раз родила’), вторые – с реляционными (*attaš-miš* ‘отец мой’, *ešḫaš-miš* ‘господин мой’, *keššaraš-miš* ‘рука моя’, *ker-met* ‘сердце моё’, *laman-mit* ‘дом мой’, *piran-mit* ‘хозяйство и семейство моё’, *kattan-šet* ‘низ его’, *piran-šet* ‘передняя сторона его’). Авторы также обращают внимание на следы такой дифференциации в других архаичных индоевропейских языках: в одних сохранились независимые притяжательные местоимения, в других – энклитические прономинальные элементы, этимологически соответствующие хеттским энклитическим притяжательным местоимениям. Примеры независимых местоимений: греч. *ἐμός* ‘мой’, *σός* ‘твой’, эол. *ᾄμμες* ‘наш’, *ἴμμες* ‘ваш’, авест. *ma-* ‘мой’, *θwa-* ‘твой’, др.-инд. вед. *tvá-* ‘твой’. Примеры энклитических местоимений: лат. *meus*, зват. п. *mi* (ср. хет. зват. п. *-mi* в *atta-mi* ‘отец мой!’, *išḫa-mi* ‘господин мой!’), ст.-слав. *mojŭ*, гот. *mei-* в *meins* ‘мой’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 291]. Выше было продемонстрировано, что для выражения собственности в активных языках используются те же форманты, что и для выражения агентивности и пациентивности (инактивности). Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов обращают также внимание на то, что в праязыке, возможно, присутствовало два окончания родительного падежа: один для существительных одушевлённого класса (*-om), второй для существительных неодушевлённого класса (*-os) [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 267-271]. Число существительных (единственное-множественное) не имело значения.

В современных индоевропейских языках, как известно, существительные неотчуждаемой собственности требуют при себе дативных посессоров, а существительные отчуждаемой собственности – генитивных [Kerevičienė 2004: 2-4].⁴ Конструкции с дативными субъектами разделяются на четыре подтипа:

Табл. 11. Подтипы конструкций с дативными субъектами					
			обладатель	обладаемое	
1	субъект	глагол	датив	объект	
2	субъект	глагол	датив	объект	предлог
3	субъект	глагол	датив		предлог
4		глагол	датив		субъект

⁴ Ср. «...since [Lucien – E.3.] Lévy-Bruhl (1916) it is known that languages have different ways to denote a possession relation according to the alienable or inalienable nature of the possessed object. Inalienable possession includes nouns denoting body parts, family relations or familiar objects. Since [Charles – E.3.] Bally (1926) the grammar of inalienability in Indo-European languages is linked to the possessive dative as a specific way to grammaticalizing inalienable possession» [Sánchez López 2007: 154].

Примеры: нем. *Mir zittern die Hände* и лит. *Man dreba rankos* (me:DAT are shaking the hands:NOM) ‘У меня трясутся руки’, нем. *Ich habe es ihm ins Gesicht gesagt* и лит. *Aš tai jam į akis pasakiau* (I it he:DAT into-face said) ‘Я сказал это ему в лицо’, лит. *Norėjau surasti puodelio lėkštutę* (I wanted find cup:GEN saucer:ACC) ‘Я хочу найти блюдце от чашки’, *Vaikai bučiavo mirusios senelės tik ranką* (children kissed dead grandmother:GEN only hand:ACC) ‘Дети поцеловали только руку умершей бабушки’. Все следующие примеры переводятся как ‘Я стриг ему волосы’, используется дативный посессор: исп. *Yo le corté los cabellos*, фр. *Je lui ai coupé les cheveux*, ит. *Io gli ho tagliato i capelli*, катал. *Le vaix tallar un pel*, рум. *I-au taiat un deget* (I him.DAT cut the hair) [Sánchez López 2007: 153-154]. Конструкция может быть и непереходной: исп. *A Juan le duele el brazo* (to John him.DAT hurts the arm) ‘У Джона (Джону) болит рука’. Все следующие примеры имеют значение ‘У меня (мне) болит голова’: исп. *Me duele la cabeza*, фр. *La tête me démange*, ит. *Mi fa male la testa*, катал. *Em fa mal el cap*, рум. *Ma durea capul* (me.DAT hurts the.head); автор, приводящий данные примеры, отмечает, однако, что при непереходном употреблении дативный посессор одновременно выполняет роль и экспериенцера. Как видно по переводам, в русском наряду с дативными используются и локативные посессоры. Прототипичность дативных посессоров определяется следующим образом: местоимения 1/2 л. > местоимение 3 л. > личные имена > существительные с одушевлёнными денотатами > существительные с неодушевлёнными денотатами [Kerevičienė 2004: 2-8].

Таким образом, в индоевропейском языке, очевидно, присутствовала система, эквивалентная разграничению отчуждаемой и неотчуждаемой собственности в активных языках. Позже она распалась, хотя в современных индоевропейских языках и присутствуют средства для выражения похожих значений. Эквивалентными средствами активных языков их, однако, назвать нельзя, т.к. использование разных падежей для выражения типов собственности (или же принадлежности) в активных языках обычно невозможно по причине практически полного отсутствия флексий.

Личные местоимения третьего лица в активных языках если и присутствуют, то зачастую связаны с указательными местоимениями, как в бацбийском [Дешериев 1953: 320], юки [Mithun 1999: 575; Mithun 2008: 303] и центральном помо [Mithun 1999: 74]. Нередко в активных языках нет ни глагольных окончаний, ни личных местоимений третьего лица [Климов 1977: 138] (следует отметить, что разграничение между глагольными окончаниями и личными местоимениями во многих активных языках затруднительно, поскольку отдельных личных местоимений в них либо вообще нет, либо они употребляются только для особого акцентирования; в остальном же прибегают к префиксам или суффиксам, присоединяющимся к глаголам). Вот так, например, выглядят личные местоимения языка чокто:

Табл. 12. Личные местоимения (аффиксы) языка чокто [Нааг 2001: 41, 60]				
агентивные			пациентивные	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-li	il-; e- (экскл.) / iloh-; eho- (инкл.)	sa- (sv); si-	pi- (экскл.) / hari- (инкл.)
2 л.	ish-	hash-	chi-	hachi-
3 л.	–	–	–	–

Местоимения в чокто присоединяются к глаголам в качестве префиксов или суффиксов: *Ish-balili-tuk* (you-run-PAST) ‘Ты бежал’, *Ishtishko hoyo-li* ‘Я ищу чашку’, *Bissa hoyo* ‘Он/ она/ оно/ они ищет/ ищут ягоды’ (маркера 3-го лица нет), *Chi-haklo-li* ‘Я слышу тебя’, дословно ‘Тебя слышу я’; *Sa-chaha* ‘Я высокий’, *Chi-tikahbih-o?* ‘Ты устал?’, *Pi-hohchvyffo* ‘Мы голодны’, *Hachi-hvksi* ‘Вы смущены’ (в последних четырёх примерах пациентивные местоимения/ аффиксы использованы в качестве субъектов, т.к. речь идёт о состояниях и качествах; примечательно также отсутствие глагола-связки). Местоимений, употребляющихся отдельно, в этом языке не существует. Вместо личных местоимений третьего лица иногда употребляют указательное местоимение *yamma(k)* ‘этот’ [Broadwell 2006: 93]. Отсутствует маркер третьего лица в активных языках чикасо [Cysouw 2003: 109], ассинибойн [Levin 1964: 29], атакапа и читимача (два последних – индейские языки с неустановленными родственными связями) [Mithun 2008: 328-329]. В мексиканском языке отоми, для которого типично отражение в глагольной форме лица как субъекта, так и объекта, субъектные клитики третьего лица имеют формы Ø (нулевая)/ *bi/ i*, а объектной формы третьего лица нет вообще: *Yá hín-té dí=tō̃-Ø-’=ma bojo* (PARTICLE NEG-what 1.PRES=win.B-2OBJ-B=1POSS money) ‘Я не зарабатываю денег’ [Palancar 2008: 359-360]. В гуарани у третьего лица также присутствует маркер (префикс) агентивности, *o-*, но нет префикса или другого маркера пациентивности, кроме отдельного местоимения *ha’e* [Velázquez-Castillo 2008: 382]. Нет ни агентивных, ни пациентивных глагольных аффиксов (инкорпорированных субъектов и объектов) третьего лица в микасуки [Mithun 1999: 465] и крикском языке [Mithun 2008: 327].

В индоевропейском праязыке личных местоимений третьего лица не было [Quiles 2007: 149]. Аналогичная картина наблюдается в некоторых индоевропейских языках [Lehmann 1993 a: 158], в т. ч. в старославянском [Ремнева 2004: 214-215], ведийском [Елизаренкова 1982: 243] и сингальском [Cysouw 2003: 108]. Кроме того, как было продемонстрировано выше, в доиндоевропейском отсутствовало окончание третьего лица у стативных глаголов. Едва ли, однако, можно причислить отсутствие окончания третьего лица у глагола к фреквенталиям активных языков, поскольку данная характеристика широко распространена в языках мира независимо от их строя [Levin 1964: 61-63]. В данном случае подразумевается не отсутствие отдельных местоимений, а отсутствие окончаний типа бурят. *Jaba-na-Ø* (go-PRES-3SG) ‘Он/ она/ оно идёт’. В современных индоевропейских языках данный феномен встречается только в кельтской семье

(бретонском, корнском), но вне индоевропейских языков он практически повсеместен: его можно найти в уральских, алтайских, сино-тибетских, североамериканских и австронезийских языках. В Австралии примерно в половине языков отсутствуют местоименные клитики. Значительно реже в языках мира встречаются нулевые независимые местоимения третьего лица. Их отсутствие компенсируется либо указательными местоимениями, либо существительными (вместо 'Он пошёл' говорят 'Человек пошёл', 'Джон пошёл' и т.д.). Поскольку в проверенных нами активных языках обычно употребляются преимущественно несамостоятельные местоимения (клитики, присоединяемые к глаголу), третье лицо которых часто отсутствует в языках мира, следует, очевидно, сделать вывод, что активный строй не отличается в данном отношении от номинативного и эргативного. С другой стороны, отсутствие отдельных местоимений третьего лица в проверенных активных языках (при наличии местоимений первого и второго лица) действительно может принадлежать к фреквенталиям активного строя, поскольку широкого распространения данная характеристика в языках мира не имеет. В этом отношении примечательно происхождение индоевропейских местоимений третьего лица из указательных, свидетельствующее о тех же принципах языковой организации, что и в активных языках.

В активных языках также обычно слабо развиты возвратные и притяжательные местоимения [Климов 1977: 82]. Вместо них в активных языках используются префиксы или суффиксы. Например, в чокто к глаголам присоединяются суффиксы, обозначающие действие, направленное на сам субъект или/и на субъект и на объект одновременно: *Joan-at ili-pisa-tok* (Joan-NM RFL-see:N-PT) 'Джоан увидела себя', *Hattak-at itti-pisa-tok* (man-NM RCP-see:N-PT) 'Люди увидели друг друга' [Broadwell 2006: 98]. В ирокезском языке каюга возвратное значение несёт приставка *-at(at)-*: *K-at-ké, ké, hs* 'Я поднимаюсь', *Atk-atat-ahtsi:yo:?* 'Я вытянулся' (ср. *Atkahtsi:yo:?* 'Я вытянул что-то') [Mithun 1999: 428]. В языке пауни каддоанской семьи возвратность и взаимонаправленность действия передаётся префиксом *witi-*: *Iriwesi-witi-tihra:hiwa:saskusta* 'Тогда они будут называть друг друга терминами родства' [Mithun 1999: 372]. В мохавкском языке рефлексивность передаётся глагольными префиксами *-atat-*, *-atate*, *-tat-* [Deering, Harries-Delisle 1976: 420]. Вместо притяжательных местоимений в активных языках, как было показано выше, обычно используются местоименные аффиксы, идентичные или родственные субъектным или объектным. В индоевропейском возвратные местоимения возникли поздно. Притяжательные местоимения (*mos* 'мой', *nsós* 'наш', *twos* 'твой' и др.) представляли собой на самом деле прилагательные первого типа (на *-ós*, *-ā*, *-óm*) [Quiles 2007: 151].

Для активных языков и архаичных индоевропейских языков был характерен **порядок слов SOV**. Закрепление порядка слов SVO мы продемонстрируем здесь на следующей статистике по английскому языку:

Табл. 13. Распределение прямых дополнений в английском языке до и после глагола [Seefranz-Montag 1983: 94]					
	1000 г.	≈ 1200 г.	≈ 1300 г.	≈ 1400 г.	≈ 1500 г.
прям. доп. > гл.	52,5%	52,7%	40+%	14,3%	1,9%
гл. > прям. доп.	47,5%	46,3%	60-%	85,7%	98,1%

С сериализацией SOV У.Леман связывает ещё целый ряд характеристик, которые зачастую можно найти в активных языках, т.к. в большинстве своём они придерживаются именно этой сериализации. Например, для языков с SOV типично:

- использование послелогов: отсюда употребление преимущественно послелогов, а не предлогов, в индоевропейском, хеттском, раннем ведическом санскрите, древнеанглийском (*Scedelandum in* ‘в Скандинавии’), греческом (*oikade* ‘домой’) [Lehmann 1993 a: 207; Lehmann 1993 b; Елизаренкова 1982: 263-264; Барроу 1976: 266], старославянском (*лѣжжшѣ мене ради* ‘Лгущие меня ради’, *то вьсе врагъ дѣла бывають* ‘Всё это бывает из-за врагов’, *ѣа дѣла съвѣтъмъ са* ‘Разденемся ради Христа’) [Вайан 1952: 221; Хабургаев 1974: 355]; в активных языках послелогов также повсеместно распространены: дакота *Éaŋ akan nawažin* дословно ‘Дерево на я стою’, *He maza oŋ kağari* ‘Это железа из сделано’ [Riggs 1893: 52, 77]; коасати *ac-obá:li* ‘меня позади’, *acá* ‘снаружи’, *apatahá* ‘кроме, позади’, *ayakhá* ‘рядом (с говорящим)’, *bikkó* ‘напротив’, *hokki:taha* ‘посреди’, *hotahá* ‘среди’, *ittaltá:la* ‘между’, *notá* ‘под’, *obá:li* ‘позади’, *olhá:si* ‘рядом (со слушателем)’, *pá:na* ‘сверху’, *pilahá* ‘к, от, в’ [Kimball, Abbey 1991: 495-496]; ассинибойн *núgé aká* ‘ухе на’, *típi ikáknahq* ‘дома напротив’ [Levin 1964: 60-61]; бацб. *О хаэ урем мак* дословно ‘Он сел арбу на’ [Дешериев 1953: 210], чокто *Ofi-yat aa-ípa-’ nóta’ ittóla-h* (dog-NM LOC-eat-NML under lie:N-TNS) ‘Собака столом под лежит’, *Hoshi-yat itti’ pakna’ biníli-h* (bird-NM tree on sit:N-TNS) ‘Птица сидит дерево на’ [Broadwell 2006: 37, 49];
- использование маркера вопроса после глагола (ср. яп. *Wakarimasu ka* = англ. *Do you understand?*, где в японском с его порядком слов SOV маркер вопроса стоит после глагола, а в английском с его SVO – перед глаголом [Lehmann 1993 a: 199]): рус. *Понимаешь ли ты*, ст.-сл. *достоитъ ли въ субботу добро творити* ‘Подобаает ли в субботу делать добро?’ [Хабургаев 1974: 406], гот. *Maguts-u drigkan stikl...?* ‘Можешь ли ты выпить чашку?’ (*-u* – маркер вопроса) [Lehmann 2007] (во всех случаях порядок слов соответствует максимам SOV); ср. примеры из активных языков: дакота *Wíçayada he?* ‘Ты веришь ли?’ = ‘Веришь ли ты?’, где *he* = ‘ты’ [Riggs 1893: 77]; тутело *Yaktēwo* ‘Убил ли ты его?’, где *o* в конце глагола – маркер вопроса [Hale 1883: 38], чокто *Jonh ish-písa-h-o?* (John 2SI-see:N-TNS-Q) ‘Видишь ли ты Джона?’, где *o* – маркер вопроса [Broadwell 2006: 35], ассинибойн *Hu ktihe?* ‘Ну, возвращается ли он?’, где *he* – маркер вопроса, ср. тж. *Nipi he?* ‘Живы ли они?’

Tiyóra ne payátaka he? ‘Закрыл ли ты дверь?’ [Levin 1964: 65], баэб. *Хього тматеб да-и?* ‘У тебя деньги есть ли?’, где аффикс вопросительного наклонения – *-и*; *Ваилралки охи?* ‘Умер ли он?’, где частица *-локи/-лкии* всегда пишется слитно с глаголом-сказуемым [Дешериев 1953: 132, 214] (во всех приведённых примерах из активных языков маркер вопроса также стоит после глаголов).

- Известно, что в японском – типичном SOV-языке – титулы ставятся после имён (*Tanaka Sensei* ‘Танака профессор’ [Lehmann 1993 a: 198]), тот же феномен можно наблюдать в архаичных индоевропейских языках (древнеангл. *Ælfrēd cyning* ‘Альфред король’, древнесев. *Hrólf konung* ‘Хрольф король’ [Lehmann 2007]), но не в современных (рус. *профессор Танака*, англ. *king Alfred* ‘король Альфред’).
- Если в языках с SOV отрицание ставится после глагола (ср. дакота *Mde sni* ‘Я ходил не’ = ‘Я не ходил’ [Riggs 1893: 76]; чокто *Ninakash sapokni micha amafo-vt itvlachi-tuk kiyo* ‘Бабушка и дедушка не добрались сюда прошлой ночью’, где *kiyo* – маркер отрицания [Haag 2001: 34]⁵), то в современных индоевропейских языках, в т.ч. в русском, – перед глаголом: *Я не хочу* (аналогично уже в старославянском [Вайан 1952: 390]). Позицию отрицания в индоевропейском языке пока определить не удалось, но У.Леман полагает, что отрицательная частица ставилась после глагола [Quiles 2007: 229], как это отражено в древнеанглийском языке: *Hē bēot ne ālēh* ‘Он не потерпел неудачу в выполнении обещания’ [Lehmann 2007].
- В языках с SOV, в т.ч. активных, генитив употребляется по принципу «владелец – обладаемое» [Schmidt 1987: 231] (ср. дакота *tipi tiyora* ‘дома дверь’, *wicašta oie* ‘человека слово’ [Riggs 1893: 43], чокто *Joh im-ofi-it* ‘Джона собака’ [Broadwell 2006: 64], ассинибойн *wiyá páha* ‘женщины шапка’ [Levin 1964: 18]); в индоевропейском языке генитивные конструкции также строились по принципам языков SOV [Quiles 2007: 230]: хет. *šūman antuḷša* ‘божий человек’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 268], древнеангл. *Scyldes eafera* ‘Скильда потомок’, древневерхненем. *Heribrantes sunu* ‘Херибранта сын’, древнесев. *tungls tiúgari* ‘солнца разрушитель’ [Lehmann 2007]. Леман описывает переход от конструкций с окон-

⁵ Культурологические объяснения, не учитывающие языковой типологии, мы считаем не соответствующими истине. В частности, утверждалось, что в японском постановка маркера отрицания после глагола (в виде суффикса) обусловлена склонностью японцев к непрямому, уклончивому стилю речи, нежеланию идти наперекор воле собеседника (человек может в последний момент добавить ‘не’ в зависимости от реакции слушателя) [ср. Goddard 2002: 53]. Хотя представители того или иного народа могут отдавать предпочтение определённым конструкциям в зависимости от распространённых в данном обществе культурем, едва ли можно найти множество примеров, когда язык видоизменялся под давлением культурных норм вопреки типологии.

чанием генитива 's к конструкциям с предлогом *of* в английском в контексте перехода от SOV к SVO [Lehmann 1993 a: 199; Lehmann 1993 b: 541].

- Если в языках с SOV в конструкциях сопоставления существительное, служащее стандартом, с которым сопоставляют, ставится перед прилагательным (сингаль. *Balla balələtə vadā* дословно 'собака кошки больше', греч. *mélitos glukíōn* 'мёда слаще', древнеисл. *sōlu fegra* 'солнца прекрасней', санскр. *yo mártuasya mánaso jávīyān* 'тот, кто мысли быстрее', древнеангл. *stāne heardran* 'камня крепче' [Lehmann 1993 a: 156, 198, 202], дакота *wicásta kiŋ de isanpa wašte* дословно 'этот человек того лучше' [Riggs 1893: 46], бацб. *Хьѐ дѡ сѐ донех тельѡ* 'Твоя лошадь моей лошади лучше есть' [Дешериев 1953: 172, 188]; чокто *John-at Mary chaaha-kat i-shahli-h* (John-NM Mary tall-COMP:SS III-exceed-PT) 'Джон Мэри выше', т.е. 'Джон выше Мэри' [Broadwell 2006: 51]), то в русском и английском стандарт ставится обычно на последнем месте: *собака больше кошки, the dog is bigger than the cat*. Анализ русской художественной литературы XVIII-XX вв. демонстрирует, как русский язык переходит от максим языка с порядком слов SOV к максимам SVO-языков. Проверялись только формы без союзов (т.е. *выше неба*, но не *выше, чем небо*). Состав корпусов был указан выше. Для поиска форм сравнительной степени использовались формулы **ee* (как в *человечнее, красивее*) и **ie* (*краше, дальше*). Из каждого корпуса было отобрано по 250 случаев употребления сравнительной формы; большее количество не требуется, т.к. основная тенденция (всё более частое использование форм типа *выше неба*) просматривается однозначно.

Табл. 14. Формы сравнительной степени в русской художественной литературе			
	XVIII в.	XIX в.	XX в.
стандарт + прил. (<i>неба выше</i>)	82 (33%)	37 (15%)	7 (3%)
прил. + стандарт (<i>выше неба</i>)	168 (67%)	213 (85%)	243 (97%)

В старославянском возможны оба варианта.

Таким образом, обнаруживаются параллели между древними и архаичными индоевропейскими языками с одной стороны и активными языками с другой. Эти параллели, однако, нельзя назвать доказательством принадлежности индоевропейского праязыка к языкам активного строя, т.к. можно найти достаточно примеров, когда фреквенталии SOV не отразились в тех же индоевропейских языках:

- Если в языках с порядком слов SOV составные числительные строятся по принципу «основное + дополнительное» (яп. 13 – это *juusan* 'десять три' [Lehmann 1993 a: 198], дакота 11 – это *wikéemna sanpa wanžidaŋ* 'десять плюс один' [Riggs 1893: 47], чокто 11 – это *pókkooli awahchaffah* 'десять с одним', где первое слово опускается для краткости [Broadwell 2006: 237]), то в русском они строятся по

принципу «дополнительное + основное» (13 – это три и десять), ср. тж. ст.-сл. *ѣдинъ на десѣте* ‘11’, *дѣва на десѣте* ‘12’, *пѣть на десѣте* ‘15’ [Вайан 1952: 187-188; ср. Востоков 1980: 44], и.-е. **óindekm* ‘11’, **dwódekm* ‘12’, **tridekm* ‘13’, **getwǫrdekm* ‘14’ и т.д., где **dekm* – это ‘10’ [Quiles 2007: 143].

- Если в языках с SOV вспомогательные глаголы, включая модальные, стоят после полнозначных [Schmidt 1987: 231] (ср. коасати *Ittó hissi-k lá:na-t alí:у* (tree hair-SUBJ be-yellow-CONN go) ‘Листва деревьев становится жёлтой’, где *alí:у* – форма вспомогательного глагола *alí:уан* ‘становиться’ [Kimball, Abbey 1991: 90]; чокто *Tachi’ apa-t tahlí-li-tok* (corn eat-PART complete-1SI-PT) ‘Я доел/ закончил есть маис’, где глагол *tahlíh* ‘заканчивать’ вспомогательный [Broadwell 2006: 48]), то в русском и других индоевропейских языках наоборот: *Я буду делать*, *Я могу делать*, ст.-сл. *нѣсть оумръла* ‘[Она] не умерла’ (перфект) [Вайан 1952: 381].

Отдельно отметим фреквенталию SOV, которая, хотя и типична для индоевропейских языков, не типична для активных. В языках с SOV прилагательное обычно стоит перед существительным, а в языках с SVO – после [Schmidt 1987: 231; Lehmann 1993 a: 152-153]. В русском и английском прилагательные обычно стоят перед существительным (*опасное путешествие*, *a dangerous trip*), в отличие от французского и испанского. В старославянском можно было найти оба варианта: *оузьрѣ... многы народы; не имѣша земля многы* [Ремнева 2004: 198], аналогично в ведийском [Елизаренкова 1982: 389]. В индоевропейском праязыке прилагательные ставились перед существительными [Quiles 2007: 231], что не соответствует максимумам активного строя. Либо порядок слов был реконструирован неверно, либо речь идёт о влиянии номинативизации. В активных языках, как уже отмечалось, прилагательных нет, но существительные-квазиадективы часто ставятся после описываемых ими существительных.

Разумеется, фреквенталии того или иного порядка слов нельзя назвать универсальными и в равной мере представленными в каждом языке. Так, в китайском, финском и эстонском вопреки порядку слов SVO употребляются послелого, генитив стоит перед обозначением обладаемого, прилагательные – перед существительными [Schmidt 1987: 249]. Во всех трёх случаях речь идёт, однако, о переходных стадиях: китайский сейчас эволюционирует от SVO к SOV, а финский и эстонский – в обратном направлении (вероятно, под влиянием индоевропейских языков).

Следует упомянуть также о проблемах, связанных с определением основного порядка слов в том или ином языке. Проблематична уже сама постановка вопроса, поскольку многие учёные разграничивают поверхностный и скрытый, глубинный порядок слов, который может не совпадать с поверхностным. Например, в 1960-е годы немецкие лингвисты в большинстве своём считали глубинным порядком слов немецкого языка SVO (SOV в придаточных предложениях представлялся им не более чем архаизмом), а в 1970-е годы глубинным стал считаться порядок слов SOV (значительно реже – VSO) [Schmidt 1987: 259-261]. Хотя доминирующим поверхностным порядком слов является однозначно SVO, у пропонентов теории

глубинного SOV находится достаточно аргументов в защиту своих взглядов: это и типичная немецкая структура предложения, при которой одна часть предиката (обычно вспомогательный глагол) ставится на втором месте, а другая (обычно полнозначный глагол) – в конце предложения: *Er ist gestern aus Berlin gekommen* ‘Он вчера приехал из Берлина’; и отделение приставки от глаголов, при котором приставка оказывается в конце предложения (*Kommst du mit?* ‘Ты пойдёшь с нами/ со мной?’), *Karl liest seinen Vortrag vor* ‘Карл читает свой доклад’); и порядок слов SOV в придаточных предложениях (впрочем, заимствованный, очевидно, в XVI веке из латыни [Lehmann 1978]⁶); и доминирование SOV в речи немецких детей (русские дети, напротив, используют SVO); и разрушение порядка слов SVO при вытеснении субъекта с первого места в предложении (*Jeden Morgen fängt die Katze Mäuse* ‘Каждое утро кошка ловит мышей’, теоретически возможен вариант **Jeden Morgen die Katze fängt die Mäuse*, позволивший бы сохранить SVO, но не соответствующий правилам немецкой грамматики).

Таким образом, архаичные и консервативные языки демонстрируют те же фреквенталии SOV, которые обычно можно встретить и в активных языках. Имеются, однако, исключения, объясняющиеся, возможно, недостаточной изученностью индоевропейского праязыка и/или его движением от активного к номинативному.

ЛИТЕРАТУРА

- Broadwell 2006 – *Broadwell A.* A Choctaw Reference Grammar. Lincoln, 2006.
- Buechel, Manhart 2002 – *Buechel E., Manhart P.* Lakota Dictionary: Lakota-English/English-Lakota. Lincoln, 2002.
- Cysouw 2003 – *Cysouw M.* The Paradigmatic Structure of Person Marking. Oxford, 2003.
- Deering, Harries-Delisle 1976 – *Deering N., Harries-Delisle H.* Mohawk. A Teaching Grammar. La Macaza, 1976.
- Frantz 1991 – *Frantz D.* Blackfoot Grammar. Toronto, 1991.
- Goddard 2002 – *Goddard C.* Ethnosyntax, ethnopragmatics, sign-functions, and culture // *Ethnosyntax: Explorations in Grammar and Culture.* Oxford, 2002.
- Haag et al. 2001 – *Haag M., Willis H., Noley G.* Choctaw Language and Culture. Norman, 2001.

⁶ У.Леман считает, что именно введением SOV объясняется распространение в немецком некоторых характеристик, связанных с данным порядком слов: послелогов (*wegen, entlang*), партиципных конструкций, стоящих перед существительным и заменяющих придаточные предложения (*Die Wasserstoffenergie enthält keinen uns bisher bekannten Nebeneffekt* ‘Энергия водорода не содержит известных нам побочных эффектов’ – по переводу видно, что и в русском присутствует данная характеристика порядка слов SOV), отрицания после глагола (*Ich weiss nicht* ‘Я не знаю’).

- Hale 1883 – *Hale H.* The Tutelo tribe and language // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. XXI (1883), No. 114.
- Kerevičienė 2004 – *Kerevičienė J.* External possession in Lithuanian // *Acta Linguistica Lithuanica*, L (2004).
- Kimball, Abbey 1991 – *Kimball G.D., Abbey B.* Koasati Grammar. Lincoln, 1991.
- Kimball, Abbey 1994 – *Kimball G.D., Abbey B.* Koasati Dictionary. Lincoln, 1994.
- Kortlandt 1983 – *Kortlandt F.* Proto-Indo-European verbal syntax // *Journal of Indo-European Studies* 11 (1983).
- Lehmann 1978 – *Lehmann W.P.* Conclusion: toward an understanding of the profound unity underlying languages // *Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language*. Austin, 1978.
- Lehmann 1993 a – *Lehmann W.P.* Theoretical Bases of Indo-European Linguistics. London, 1993.
- Lehmann 1993 b – *Lehmann W.P.* Old English postpositions as residues of OV order // *Anglo-Saxonica. Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte der englischen Sprache und zur altenglischen Literatur. Festschrift für Hans Schabram zum 65. Geburtstag*. München, 1993.
- Lehmann 2007 – *Lehmann W.P.* A Grammar of Proto-Germanic. University of Texas at Austin, 2007, <http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/books/pgmc00.html>
- Levin 1964 – *Levin N.B.* The Assinoboine Language. The Hague, 1964.
- Meier-Brügger 2002 – *Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. 8. Aufl. Berlin, 2002.
- Mithun 1999 – *Mithun M.* The Languages of Native North America. Cambridge, 1999.
- Mithun 2001 – *Mithun M.* The difference a category makes in the expression of possession and inalienability // *Dimensions of Possession*. Amsterdam, 2001.
- Mithun 2008 – *Mithun M.* The emergence of agentive systems in core argument marking // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Neu 1989 – *Neu E.* Zum Alter der personifizierenden *-ant*-Bildungen des Hethitischen // *Historische Sprachforschung*, Bd. 102, Heft 1 (1989).
- Osthoff 1899 – *Osthoff H.* Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1899.
- Palancar 2008 – *Palancar E.L.* The emergence of active/stative alignment in Otomi // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Quiles 2007 – *Quiles C.* A Grammar of Modern Indo-European: Language & Culture, Writing System & Phonology, Morphology and Syntax. Indo-European Language Association, 2007.
- Raymond 2008 – *Raymond M.P.* The Cherokee nation and its language. 2008. http://www.carla.umn.edu/conferences/past/immersion2008/documents/Peter_L_CherokeeNation.pdf
- Riggs 1883 – *Riggs S.* Dakota Grammar, Texts, and Ethnography. Washington, 1883.

- Sánchez López 2007 – *Sánchez López C.* The possessive dative and the syntax of affected arguments // *Cuadernos de Lingüística del I. U. I. Ortega y Gasset*, Vol. 14 (2007).
- Sapir 1990 – *Sapir E.* The Collected Works of Edward Sapir. Vol. 5. Berlin, 1990.
- Schmidt 1987 – *Schmidt U.* Impersonalia, Diathesen und die deutsche Satzgliedstellung. Bochum, 1987.
- Schmidt-Brandt 1998 – *Schmidt-Brandt R.* Einführung in die Indogermanistik. Tübingen, 1998.
- Seeffranz-Montag 1983 – *Seeffranz-Montag A.v.* Syntaktische Funktionen und Wortstellungsveränderungen: Die Entwicklung «subjektloser» Konstruktionen in einigen Sprachen. München, 1983.
- Seeffranz-Montag 1984 – *Seeffranz-Montag A.v.* «Subjectless» constructions and the syntactic change // *Historical Syntax. Papers Presented, for the Most Part, at the Third International Conference on Historical Linguistics Held at Błazejewko, Poland, March 31-April 3, 1981.* Berlin, 1984.
- Sihler 1995 – *Sihler A.L.* New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York, Oxford, 1995.
- Speyer 1896 – *Speyer J.S.* Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896.
- Stassen 1997 – *Stassen L.* Intransitive Predication. Oxford, 1997.
- Velázquez-Castillo 2008 – *Velázquez-Castillo M.* Voice and transitivity in Guaraní // *The Typology of Semantic Alignment.* Oxford, 2008.
- Барроу 1976 – *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Востоков 1980 – *Востоков А.Х.* Грамматика церковно-словенского языка. Köln, Wien, 1980.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1984.
- Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Десницкая 1951 – *Десницкая А.В.* Из истории развития категории глагольной переходности // *Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880-1944).* Л., 1951.
- Дешериев 1953 – *Дешериев Ю.Д.* Бацбийский язык: Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953.
- Елизаренкова 1982 – *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Зарецкий 2009 – *Зарецкий Е.В.* Некоторые реликты активного строя в индоевропейских языках. Часть 1 // *Acta Linguistica*, Vol. 3, No. 2. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2009.
- Кацнельсон 1936 – *Кацнельсон С.* К генезису номинативного предложения. М., 1936.
- Климов 1977 – *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Ремнева 2004 – *Ремнева М.Л.* Старославянский язык: Учебное пособие. 2-е изд. М., 2004.
- Хабургаев 1974 – *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1974.